

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА

Случайные
ГОСТИ

Дарья Андреевна Кузнецова

Случайные гости

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21767340
Случайные гости: Роман: Альфа-книга; Москва; 2016
ISBN 978-5-9922-2292-0*

Аннотация

Сколько раз говорили: бойтесь своих желаний, они имеют свойство сбываться.

Бояться-то Алена боялась, но может ли юная девушка перестать мечтать о большой и чистой любви? Даже если есть дружная семья, увлекательная работа бортмеханика на частном транспортнике и связанные с ней приключения, нет-нет да и проскочит мысль о бравом и суровом капитане полиции, спасающем из лап грозных пиратов и увозящем к новой, еще более интересной жизни.

И вот результат: чужая планета, с которой нет выхода; мужчина – до того суровый, что его тяжело не то что полюбить – понять. И новая жизнь, настолько интересная, что только успевай оглядываться по сторонам и осознавать происходящие перемены.

Мечтать, говорят, не вредно. Вредно неточно формулировать свои мечты!

Содержание

Глава первая,	4
Глава вторая,	46
Глава третья,	85
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Дарья Кузнецова

Случайные гости

Самому лучшему Штурману.

Спасибо за то, что Вы были

Глава первая, *в которой я просто делаю свою работу и размышляю о вечном*

Как приятно иногда вот так разлечься в траве, на прогретой солнцем земле, закрыть глаза и ни о чем не думать. Травинки щекочут шею, лицо и руки, шелестит ветер, звеня колокольчиками. Кругом все поет и стрекочет, но по сравнению с городским шумом – тихонько, почти шепотом. Удивительно музыкальная и ласкающая слух какофония.

Солнечные лучи греют щеки и даже сквозь закрытые веки почти слепят.

Пахнет... совершенно непередаваемый запах. Так пахнет жизнь, просто жизнь во всем ее многообразии. Нагретая трава, почва, какие-то цветы, прелая листва. Иногда ветер доносит свежий сырой дух реки, и тогда от одного этого запаха становится зябко. Река темная, глубокая, течет степенно

и тяжело, а на дне полно ледяных ключей; вода настолько холодная, что от прикосновения к ней моментально сводит пальцы и вызванное жарким солнцем желание освежиться тут же пропадает.

Кажется, вот так, раскинув руки в траве, можно лежать вечно, потому что время запуталось, побежало по кругу, и уже ничто и никогда не изменится. Не получится шевельнуть даже пальцем, но это не страшно, а удивительно приятно и правильно. Так, должно быть, чувствуют мир камни: лежат и молча слушают, впитывая солнечное тепло и запах близкой реки.

Иногда хорошо побыть камнем, никуда не спешить, не решать никаких проблем и не задумываться над смыслом каждого своего действия. Зачем об этом думать, если ты просто лежишь в траве, по тебе бегают мелкие зверушки и тени от травинки, и в положенный момент ты просто и без сожалений станешь пылью?

– Осторожно, быргун! – Встревоженный возглас нарушил мой сон-явь.

Я резко откатилась в сторону, поспешно вскочила на ноги. Под ботинками жалобно хрупнули раздавленные колокольчики, а потом все звуки потонули в радостном глумливом хохоте.

Я раздосадованно поморщилась, отряхивая комбинезон и недовольно косясь на ржущего братца. Пошутил, паразит мелкий. Да и я тоже хороша: если бы мной заинтересовался

быргун, я не то что откатиться – сказать «а!» не успела бы. Самый опасный местный хищник, размерами и повадками напоминающий леопарда, а внешним видом – гибрид хорька и тапира с дирижаблем: вытянутое тело обтекаемой формы, плавно переходящее в морду, недлинные лапы с тонкими пальчиками, куцый хвостик.

– Говорили тебе: «Не пей, Иванушка, из козьего копытца!» А ты? Коз-зел, – проворчала я.

– Тогда ты, Аленка, коза, потому что моя сестра, – не менее привычно отмахнулся младший брат. – Хорош уже валяться, пойдем, лететь скоро.

– До вылета вроде еще три часа оставалось или вы уже закончили разгрузку? – уточнила я, подходя ближе.

Мелкий стоял на краю летного поля в позе «космического волка»: расхлябанно, одна нога отставлена чуть в сторону, комбинезон на груди расстегнут, большие пальцы заложены за ремень. Взгляд свысока и травинка в зубах. При его лохматом белобрысом чубе, конопушках и голубых глазах, порождающих заверченный образ «я у мамы дурачок», выглядело подобное комично.

Впрочем, мелкий он исключительно в силу моей привычки: на тетя Адиной кормежке вытянулся уже на полголовы выше меня и на достигнутом останавливаться не собирался. Нет, вообще Ванька растет хорошим парнем: незлой, рукастый, честный, даже местами благородный. Умен вот только не по годам, самому шестнадцать – ума как у трехлетнего.

Но мальчишки, говорят, поздно взрослеют. И то – не все.

– Не-а, дальняя связь барахлит, папа Боря просил тебя глянуть, пока стоим, – брат передернул плечами.

– Плюнь, – проходя мимо, я выдернула у него изо рта травинку. – Вдруг она ядовитая? Ты не дома, олух!

– Ой-ой-ой! Как самой валяться, так это нормально, а мне, значит, нельзя? – возмущенно пробурчал он, нагоняя меня.

– Я в рот абы что не тяну, – отбрила Ваньку, хотя слова младшего были справедливы. Лаура, конечно, открыта давно, и местная живность в большинстве своем переписана и изучена (уж рядом с космодромом – точно!), но инструкции настойчиво не рекомендуют вот так расслабленно валяться на солнышке в непроверенных местах. – И не горбись, – добавила, ощутило ткнув мелкого кулаком между лопаток.

Брат скорчил рожу, но все-таки выпрямился: в том, что настоящему космическому волку негоже быть сутулой глистой, он со мной согласен.

О чем думали наши родители, называя меня красивым старинным именем Алена, я, предположим, знаю: о прабабке, в честь нее и назвали. А вот какой зечик дернул их назвать моего младшего брата Иваном, я предположить затрудняюсь. Но, так или иначе, эта дурацкая старая сказка преследует нас с самого детства, начиная с давней гибели родителей, когда Ваньке было всего пять, и заканчивая нынешним местом обитания – частным транспортником «Лебедь».

Зечик – это, к слову, такой фольклорный персонаж, «зеле-

ный человечек». Какой-то космический дух или демон из совсем уж старых времен, примерно оттуда, откуда к нам пришла так нелюбимая мною сказка; я никогда не интересовалась подробностями.

Ущемленными и обиженными жизнью сиротами мы с мелким, впрочем, никогда не были. Нас сразу приютил давний друг отца, дядя Боря, работавший дальнобойщиком столько, сколько я себя помнила. У них с женой, тетей Адой, своих детей не было, так что мы с успехом заменили друг другу семью. Я называла их по привычке «дядя и тетя», но для Ваньки они стали куда более родными существами, чем полужнакомая пара с голографий, и отсюда возникло немного странное обращение – «папа» и «мама», но по именам, которое порой проскальзывало и у меня. В моем сердце, как я вынуждена была со стыдом признать, эти люди заняли внушительную часть места, отведенного для родителей. Не вытеснили знакомые образы, просто прежде это место пустовало.

Я не могу сказать, что родные родители нас не любили. Наоборот, каждый раз получался настоящий праздник, если удавалось провести недельку-другую вместе. Но именно в этом состояла проблема: у них оставалось очень мало времени на детей. Они оба были музыкантами, играли в одном оркестре и постоянно вместе гастролировали. Мама – Наталья Панкова, гениальная скрипачка, папа – Юрий Ким, виртуозный виолончелист; оба потрясающе светлые, воздушные,

возвышенные люди, оторванные от реальности и влюбленные в музыку.

Мое раннее детство почти целиком прошло с бабушкой, потом к нам присоединился Ванька, но через год бабушка умерла, и мы фактически остались вдвоем. Менялись какие-то приходящие няни и многочисленные друзья семьи, но никто надолго не задерживался. А потом корабль, на котором летели родители, погиб, и за неимением родственников мы оказались в очень нехорошей ситуации. Я уже сдала тестирование на гражданство и самостоятельность, но еще училась, поэтому не могла самостоятельно взять опеку над братом, и ему грозил детский дом.

Вот тут-то и появились в нашей жизни всерьез и надолго спокойный степенный космолетчик Борис Таль и его добрая уютная жена.

Дружба таких непохожих людей, как дядя Боря и мой отец, началась весьма прозаично, в детстве, когда один мальчишка, сорванец со сбитыми кулаками, вступился перед дворовыми хулиганами за другого мальчишку, худенького очкарика с огромным футляром виолончели. Так и подружились. Они относились друг к другу одинаково покровительственно: музыкант-отличник считал троечника-обалдуя недалеким, простым как табурет, но добрым и хорошим, а тот считал музыканта бестолковым и неприспособленным к жизни, но – забавным. Дружба оказалась неожиданно крепкой, несмотря на диаметрально противоположность снача-

ла мальчиков, а потом и мужчин. Они до самой гибели отца регулярно общались и явно получали от этого процесса удовольствие. Наверное, обоих привлекала возможность на какое-то время окунуться в совсем другой мир, непривычный, а потому – загадочно-интересный.

У отца в жизни все было просто. Музыкальная школа, консерватория, концерты, конкурсы, репетиции, бесконечные гастролы и такая же возвышенно-интеллигентная жена. Вместе они напоминали пару журавлей: тонкие, изящные, светловолосые, с плавными движениями и вкрадчивыми мягкими манерами.

У дяди Бори... тоже все было просто. Летная школа, пятнадцать лет за штурвалом военного транспортника, стычка с пиратами, ранение, комиссия, пенсия в тридцать пять и небольшой дальнобойщик, взятый под залог всего имущества, которое у него имелось. И жена – простая и добрая женщина, ассистент врача с того же корабля, на котором он служил. Они тоже вместе смотрелись очень органично: невысокие, плотного телосложения, деловитые и хозяйственные. Лично мне они напоминали пару бобров.

Собственно, на этот транспортник нас и забрали, вполне официально оформив опекунство. Здесь и моя недополученная профессия бортмеханика оказалась очень кстати. Специальность я выбирала по простому принципу «как можно дальше от оркестра и сцены», а техника в целом и космические корабли в частности завораживали меня с детства.

К счастью, особыми талантами в музыке я не блистала, и родители не стали уговаривать продолжить династию. Хотя играть на скрипке я выучилась и даже полюбила это дело, но – для себя, тихонько, под настроение.

О неоконченном образовании я не жалела совершенно. На практике, да под руководством предыдущего механика деда Ефима, сейчас окончательно осевшего на Земле из-за преклонного возраста и проблем со здоровьем, я освоила профессию в гораздо большем объеме, чем могла сделать это в училище.

Зрелище, конечно, довольно потешное: пара журавлят, воспитанная бобрами. Мы же с братом в родителей, оба светловолосые и достаточно высокие, я – так даже выгляжу почти хрупкой, как мама, даром что на поверку гораздо крепче. А вот Ваня в отличие от отца не чурается физической нагрузки и более того, весьма упрямо работает над своей подготовкой. Результат пока выглядит весьма потешно – тощий, с широкими костлявыми плечами, – но это он просто растет. Вот вырастет, мясца наработает, красавец будет. Действительно – космический волк. Ванька твердо настроен пойти по стопам дяди Бори, нынешняя жизнь ему безумно нравится, он уже неплохо наловчился пилотировать. А я... мне она тоже в целом нравится.

Если бы еще не Ванькины шуточки!

– И что «Выпь» говорит? – уточнила я, пока мы шли по гладкому упругому покрытию без малейшей щербинки –

небольшому местному космодрому.

«Выпью» называлось упомянутое Иваном устройство дальней связи, позволявшее почти без задержек передавать информацию на громадные расстояния. Закономерно, что подготовка к сеансу связи начиналась с дядиного флегматичного «ну что, выпьем?» Устройство было сложное, капризное, задумчивое и на редкость неторопливое. Его работоспособность зависела от совершенно непредсказуемых факторов вроде личного «хочу», активности Сириуса или скорости ветра на экваторе Юпитера.

– Вот сейчас придем, сама узнаешь, – отмахнулся брат. Потом пару секунд помолчал и смущенно продолжил: – Слушай, Аленк, я комбез порвал. Зашьешь?

– Как ты умудряешься это делать? – Я растерянно покосилась на мелкого. Ткань наших летных (читай – рабочих) комбинезонов живуча настолько, что из нее можно шить скафандры (собственно, их из нее и шили), но брат умудрялся регулярно рвать комбезы в самых неожиданных местах, причем без особых усилий.

Хотя большим вопросом, конечно, оставалась обувь. Как шутила тетя Ада, это основная статья наших расходов, в отдельные периоды перекрывающая даже текущий мелкий ремонт и топливо.

– Это не я, оно само, – привычно начал отпираться Ванька. – Я с погрузчика слезал, вот и... – Он продемонстрировал внушительный разрыв на боку под мышкой, в который

прошел бы мой кулак.

– Ладно, как прыгнем, приноси, заклею, – отмахнулась я.

– Спасибо! – просиял брат. За годы жизни с этим оболтусом я наловчилась чинить дыры так, что они становились почти незаметны, только придавали одежде легкий налет «бывалости», безумно радовавший Ивана.

Летное поле было небольшим. На Лауре пока еще не построили крупных поселений, для начала ее следовало как следует изучить, понаблюдать за естественным ходом вещей, выяснить, какие людям грозят опасности, прикинуть, каких местных животных и растения можно использовать в быту, а земных – разводить в новых условиях. Всем этим занимались специалисты-исследователи в нескольких городках и мелких поселениях, раскиданных по планете, оборудование для которых мы и привезли. Дядя Боря пользовался авторитетом в своих кругах, его знали как человека слова, и потому он входил в число частных лиц, которым порой доверяли перевозки государственные структуры. Особенно если груз был слишком маленьким, чтобы ради него снаряжать полноценный рейс, но слишком важным, чтобы ждать попутных контейнеров.

Прежний владелец нашего корабля явно не блистал фантазией, но транспортник этот искренне любил. Во всяком случае, именно такое впечатление у меня сложилось, когда я узнала название: назвать «Лебедем» серийный транспортник «Пеликан-М» мог только человек подобного склада.

Корабль своими очертаниями действительно напоминал птицу. Вытянутая узкая «голова», где располагалась рубка, перетекала в толстое «тело» трюма, плотно обхватывающее «крыльями» крупное «яйцо» двигательного отсека.

Двигателей было три, а вернее, три системы двигателей. Не только у этой модели, подобное разделение существовало уже много лет. Атмосферные, или «факелы», позволявшие маневрировать в атмосфере и садиться на планеты, импульсные, или «толкачики», быстро разгонявшие корабль в вакууме, и, конечно, прыжковые, позволяющие прокалывать пространство и, собственно, путешествовать между звезд. Последние как только ни называли: и «бочкой», и «дыркоделом», и даже – мое любимое! – «волшебным пенделем». И это только малая часть цензурных вариантов, космолетчики – народ простой и на язык острый.

Ванька проводил меня до корабля и умчался дальше – помогать с разгрузкой. Поднявшись по узкому трапу в шлюз, я дождалась, пока за спиной закроется дверь, тихо пшикнет система очистки, гравитация на мгновение упадет до нуля, погружая в невесомость, а потом опять начнет увеличиваться, притягивая к корабельному полу. Я привычно зажмурилась, позволяя вестибулярному аппарату побыстрее перестроиться: относительно окружающего мира мы по кораблю ходили вверх ногами. Тот сейчас стоял «на спине», что упрощало доступ к трюму.

– Дядя Боря, что там с «Выпью»? – громко крикнула я.

Жилой модуль в корабле небольшой, рассчитанный всего на десять человек – пять членов экипажа (капитан, пилот, штурман, бортовой врач и механик) и столько же пассажиров. Дядя Боря совмещал должности капитана и пилота, врачом числилась его супруга, механиком была я, а Иван восполнял численность отсутствующих пассажиров. Вот капитан его поднатыкает, братец не только сдаст тест на гражданство и самостоятельность, но и получит летные корочки, и можно будет официально оформить на должность.

А место штурмана занимал Рыков Евгений Васильевич, тоже отставной вояка, только, в отличие от капитана, не уволенный с медлительной «ломовой лошадки», а много лет отлетавший на стратегическом штурмовике, машине серьезной и вызывающей у врагов ЗОР нервную чесотку.

ЗОРОм, или полностью – Союзом Земли, Олимпа и Радеды, издавна называлась наша страна, по имени трех планет-основательниц, лидер среди которых, бесспорно, Земля. Сейчас в Союз входят полтора десятка обитаемых миров – колонии и те, кто предпочел отказаться от суверенитета в обмен на защиту мощного космического флота и серьезные торговые привилегии.

– Чего орем? – насмешливо поинтересовался Василич, выглядывая из двери, ведущей на камбуз. Невысокий (откровенно говоря, мелкий: я выше), крепкий, юркий и бесконечно обаятельный, острый и бойкий на язык, при своей совершенно несолидной наружности по сей день остающийся

заправским дамским угодником, Рыков заставил меня осознать смысл старой шутки «кто в армии служил – тот в цирке не смеется». Великолепный рассказчик, он травил такие байки из собственной флотской жизни – заслушаешься. Человека с более потрясающим чувством юмора я никогда не встречала и порой искренне сожалела, что Рыков чуть не в три раза старше меня. Был бы помоложе – точно влюбилась бы! Подозреваю, склонность ко всяческим подколкам и розыгрышам Иван приобрел как раз благодаря историям штурмана, но сердиться на Василича за порчу младшего брата я не могла.

Из животных Рыков напоминал выдру. Что обаянием, что деловитостью, что узким лицом с темными глазами.

– Ванька говорит, вроде дальняя связь поломалась, – ответила я, вопросительно глядя на штурмана.

– А, то есть ты решила героически заменить ее собой? – ехидно поинтересовался в ответ Василич. – Тогда лучше вылезай на крышу, оттуда до Земли ближе.

– Не-не-не, лучше специалистку почию! – открестилась я и фыркнула от смеха, представив картину. – Не знаете, что с ней?

– Да как обычно. Говорит, в упор она всех нас не видит вместе с нашей Землей, она сегодня не в форме и не в настроении, и вообще, у нее голова болит. Я предлагал стукнуть хорошенько, но Борька не дал и решил позвать тебя.

– Вот и правильно. Василич, ну как так можно – стук-

нуть? – с укором протянула я. – Она же женщина, к ней подход нужен!

– Какая женщина, такой и подход, – со смешком отмахнулся штурман и исчез в недрах камбуза. Небось украдкой от тети Ады трескать бутерброды с чаем: она терпеть не может, когда кто-то кусочничает.

Возразить было нечего, поэтому я просто молча двинулась в пульттовую.

Дяди Бори на месте не обнаружилось, он наверняка руководил разгрузкой. Его жена, вероятно, составляла ему компанию или знакомилась с местными обитателями, очень может быть – делилась рецептами. Тетя Ада обожает готовку даже больше, чем свою прямую специальность.

Механик на таком маленьком корабле – должность хлопотная и многогранная. Название осталось с совсем древних времен, а по факту «механизмов» на кораблях почти нет уже очень много лет. Вся современная техника – это сплошная биоэлектроника, и для того, чтобы поддерживать ее работоспособность, нужно разбираться во всем, начиная с физики и заканчивая программированием. Не говоря уже о том, что многие модули обладают своим примитивным искусственным интеллектом, который периодически чудовищно глючит, и в такие моменты я вовсе ощущаю себя психиатром. Вот как с «Выпью», которая, увы, считает себя очень умной.

Я с размаху плюхнулась в штурманское кресло и достала из специальной ниши под пультом свой рабочий терминал –

тонкий шлем, наглухо закрывающий лицо и изолирующий от внешнего мира. Таких по всему кораблю – несколько. Это гораздо удобнее, чем в ответственный момент бегать кругами и вспоминать, где я оставила основной: то ли в двигателе, то ли в трюме, то ли на камбузе, когда у Ады какой-нибудь очередной прибор барахлил.

– Ну, здравствуй, родной, – мурлыкнула тихонько, подключаясь к кораблю. Если дядя Боря и Василич взаимодействовали с ним через пользовательские терминалы, общаясь как с партнером или, скорее, подчиненным, то я сейчас выступала в тетиной роли: доктора, разглядывающего потроха пациента.

Сознание, пока подгружались нужные модули, на мгновение ухнуло во тьму, а потом я взглянула на окружающий мир уже другими глазами. Здесь, в этой виртуальной реальности, все пока выглядело точно так же, как и за ее пределами. Та же рубка, те же стены и пустое кресло пилота рядом. Впрочем, нет, не пустое: стоило об этом подумать, и кресло занял «болванчик» – безликая полупрозрачная кукла в армейской летной форме, графическое отображение автопилота. Сейчас, отключенный, он мирно дремал, очень по-человечески запрокинув голову. Не просто по-человечески, а очень знакомо, поза была дядь Борина. Мы всегда накладываем отпечаток на вещи, которыми пользуемся.

Повинуясь моему приказу, стены истончились, позволяя оглядеться по сторонам глазами камер внешнего обзора или

с помощью тысяч разнообразных датчиков заглянуть в любую часть корабля, отследить любую цепь и найти возможные места разрывов.

Для начала я мельком удовлетворила свое любопытство и удостоверилась, что дядя с братом при помощи погрузчика и нескольких местных обитателей, выглядящих не как серьезные ученые на дикой планете, а как дачники-отпускники, в самом деле продолжали разгружать из трюма объемные контейнеры с хрупким и чувствительным (как было написано в сопроводительной документации) содержимым. А потом я переместила свое внимание на носовую часть корабля, где почти сразу перед пультовой, под продолжающим обшивку прочным обтекателем, ютилась не только «Выпь», но и излучатель ближней связи, и еще несколько полезных приборов.

На первый взгляд (как, впрочем, и обычно) с нашей капризулей все было в порядке. Я проверила основные слабые места, подключение, перезагрузила систему – бесполезно. «Выпь» по-прежнему не понимала, где она находится и чего от нее хотят эти странные люди. То есть работать-то она работала, но исключительно на перегонку электрической энергии в тепловую, и то вяло.

Промаявшись почти час, я уже начала склоняться к мысли, что Василич прав и сразу действительно стоит хорошенько стукнуть. Все было в норме. Все тесты «Выпь» проходила на ура, все сопутствующие системы работали в штатном режиме, а связь – отсутствовала.

Тоскливо разглядывая тонкую рогатину излучателя и ящички «мозгов» устройства, часть из которых располагалась почти у меня под ногами, я вспоминала деда Ефима. В таких случаях он советовал сначала проверить все очевидное, потом – все очевидное вокруг интересующего проблемного узла, потом – все неочевидное, потом – вовсе невероятное. Когда не помогало и это, мрачно изрекал: «Деду надо покурить!» И действительно шел к себе в каюту, где набивал старую трубку ядреным табаком, невесть с чем смешанным, долго курил ее взатыг до полного позеленения, а потом шел и молча совершал какое-то парадоксальное действие, или, напротив, какое-нибудь действие, до этого момента совершенное неоднократно. И – о чудо! – все начинало работать.

Но ностальгия совсем не помогала разобраться в происходящем и выработать план действий. Такого надежного способа связи с высшими силами и подсознанием у меня не было, интуиция тоже молчала.

Уже от безысходности я полезла смотреть показания климатических датчиков. Температура, влажность, давление, атмосферный состав... Стоп. А с давлением у нас что?!

Некоторое время я тупо созерцала красивые стрелочки, наглядно демонстрирующие направление сил, действующих на пространство под обтекателем. Стрелочки безжалостно растягивали «Выпь» и всех ее соседей в противоположные стороны. Гравкомы – гравитационные компенсаторы – исправно создавали там корабельное поле, но не исклю-

чали воздействия притяжения планеты. Сила воздействия по сравнению с заявленными характеристиками излучателя была ничтожной, но стоило вправить мозги компенсаторам, и наше положение в пространстве сразу определилось.

Проще говоря, «Выпь» укачало и слегка мутило. А некоторые люди еще утверждают, что техника бездушна! Вот как им после такого верить?

Впрочем, так говорят только те, кто никогда с ней по-настоящему не работал. Дело ведь не только в наличии или отсутствии искусственного интеллекта, даже у самых простых вещей есть своя душа, у них бывает дурное настроение, они умеют бояться. Боятся они, правда, совсем не того, чего боятся люди; вещи не знают, что они тоже смертны.

Я, например, точно знаю, что кухонный агрегат боится темноты. Кто ответит почему? Может, этот страх преследовал человека, который устанавливал его на корабле? Или чинил когда-то? Или участвовал в составлении программы? Но я всегда оставляю на камбузе дежурное освещение, и тогда наутро приготовление пищи идет без запинок. Остальных я, конечно, не раз предупреждала, что полностью гасить свет нельзя, но они периодически об этом забывают, и тогда утро неизменно начинается с ворчания тети Ады. Старый агрегат, конечно, сбоят не только по этой причине, но ее тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Объяснять, *почему* в кухне нужно оставлять хоть немного света, я даже не пыталась: поднимут на смех. Больной, ко-

нечно, не посчитают, но... так нам всем проще. Мне проще наврать с три короба, что где-то замыкают какие-то цепи и сбоит программа, окружающим людям проще считать приборы бездушными вещами.

Впрочем, возможность наличия собственной воли у таких объемных систем, как сам корабль или некоторые его наиболее сложные части, признают даже скептики вроде дяди Бори.

Вправив мозги «Выпи», я не стала сразу отключаться, а позволила себе немного побродить в вирте, осматриваясь и лишний раз проверяя самые беспокойные и «тонкие» места. Необходимости в проверке не было, просто я слишком люблю это ощущение, когда можно заглянуть почти в каждый потаенный уголок огромного тела корабля. Кажется, что ты не сидящий в кресле человек, а неотъемлемая часть этой системы, причем не просто часть, а без малого всемогущая и всеведущая. Я каждый раз в такие моменты задумываюсь: может, установить себе бионику – биологические имплантаты, облегчающие подобный контакт? Сейчас такие у большинства людей, не только работающих с техникой по долгу службы, но и делающих это для собственного удовольствия и развлечения.

Почему я до сих пор не пополнила их ряды... В детстве я об этом даже не задумывалась, все равно подобные изменения в собственном организме можно проводить только по достижении двадцати лет. А в двадцать я уже жила на «Лебе-

де» и постигала тонкости профессии под руководством Ефимыча, считавшего подобные вещи баловством и проявлением нежелания думать собственной головой. И до сих пор осталась «чистой», хотя и у Василича, и у дяди Бори кое-какое «электричество в мозгах» присутствовало: штурману оно помогало производить сложные объемные вычисления, не доверяя их компьютеру, пилоту увеличивало скорость реакции и позволяло лучше «чувствовать» положение и движение корабля в пространстве. Даже тетя Ада, сетуя на ухудшившуюся память, подумывала об имплантатах.

А я, побродив по кораблю, в очередной раз отмахнулась от этой идеи и решила оставить все как есть. Справляться со своей работой и получать удовольствие от ее выполнения отсутствие бионики не мешало, так к чему лишний раз ложиться под лазер? К тому же меня терзали определенные сомнения: как бы с бионикой не свихнуться к зечикам! Я и без нее порой теряюсь между виртом и реальностью, с ней же имею шанс заблудиться окончательно, и вывести меня оттуда смогут только психиатры с психокорректорами. Выведут, конечно, потом подкрутят что нужно в заклинивших мозгах для предотвращения рецидива – они и не такое лечат, – но их еще надо найти в открытом космосе! А если прыжок на станцию в какой-нибудь медвежий угол? И перед стыковкой что-нибудь сбойнет в шлюзовых системах? Наверное, я и в психозе смогу такое поправить, но проще не рисковать.

Собственная голова и некоторые ее реакции порой озада-

чивали даже меня саму. Все было нестрашно и достаточно мило, чтобы считаться не трещиной в коре¹, а очаровательным чудачеством и изюминкой, но я старалась внимательно отслеживать эти проявления, чтобы хотя бы попытаться отсечь момент, когда станет совсем не смешно. Где уж при такой жизни бионику ставить!

Противников последней, кстати, в мире тоже хватало с избытком. Энтузиасты эти назывались по-разному – «Орденом чистоты», просто «чистюлями», «Движением в защиту мозга» и еще сотнями простых и сложных слов, – общими у них были протест против вторжения в человеческий разум, призыв к отказу от психокоррекции и, конечно, к полному отказу от бионики. Некоторые шли дальше и протестовали против искусственного интеллекта в машинах, причем не разума (эксперименты по созданию которого, к слову, находились под запретом уже пару сотен лет, со знаменитого Приштинского процесса), а вообще какой-либо логики и возможности самостоятельно принимать решения. Как при этом не только летать между звезд, но вообще жить на космических станциях или планетах с агрессивной средой, правда, не уточнялось. Я уж не говорю о том, что психокоррекции подвергались только отдельные индивиды, на самом деле больные, и для проведения этой процедуры требовалась уйма разрешений, начиная с согласия самого больного или его опекуна.

¹ Имеется в виду, конечно, кора головного мозга. Молодежный сленг. – *Здесь и далее примеч. автора.*

Я знаю, я очень много об этом читала, без особой цели, просто для общего развития.

Я этих фанатиков недолюбливала, как и любых фанатиков вообще, и искренне опасалась, как бы они своим плачем не испортили что-то в отлаженном механизме ЗОР и не осложнили жизнь миллиардам людей. Но Василич с дядей Борей каждый раз отмахивались и успокаивали меня, что таких идиотов во все времена хватало и глупо переживать из-за горстки не вылеченных вовремя недоумков. Я, конечно, беспокоиться не прекращала, просто продолжала делать это молча.

Напоследок я полюбовалась густым синим лесом вокруг, отдельные деревья в котором достигали воистину циклопических размеров (если это, конечно, были деревья), плоской серебристо-синей гладью летного поля и корпусами исследовательской станции, имеющими форму пузырей и напоминающими грибы-дождевики, и стянула шлем. Надо уступить кресло законному владельцу, пусть докладывает домой о выполнении задания, а себе я занятие уже придумала: планета хоть и удаленная от цивилизации, а точка доступа в Инферно присутствовала, быстрая и бесплатная.

То есть оно, конечно, никакое не Иферно, а ИнфорГО – информационное галактическое облако, – только за три века существования в нем скопилось столько всего, что народное название значительно полнее отражает суть. Я каждый раз пытаюсь представить, сколько там информации, и каждый

раз пугаюсь. Очень сложно поверить сторонникам разнообразных теорий заговора, утверждающим, что ИГО (правительственная контора, являющаяся создателем и номинальным владельцем этого облака) полностью контролирует каждого пользователя. Гораздо легче поверить в другую точку зрения – что в таком объеме информации, щедро сдобренной человеческими эмоциями, вполне мог самозародиться полноценный разум и, скорее всего, это сделал. Правда, лично я полагаю, что ему до нас нет никакого дела. Ну или, по меньшей мере, он воспринимает нас примерно так, как мы – всевозможные полезные бактерии внутри собственного тела или даже клетки этого самого тела. Но всяких чудаков вокруг хватает. Некоторые предлагают уничтожить всю информационную сеть, пока та не уничтожила нас, другие – наоборот, поклоняются ей, полагая, что именно так выглядит бог. А некоторые вообще поклоняются именно для того, чтобы человечество было уничтожено.

В общем, натываясь где-нибудь на очередные образчики подобного мировоззрения и читая некоторые высказывания, я отчетливо понимаю, что слишком критична к себе. Если такие люди живут на свободе, то мне до безумия и встречи с психокорректорами еще очень и очень далеко, а кровожадность и всемогущество психиатров сильно преувеличены молвой.

Сейчас настроения бродить по подозрительным закоулкам у меня не было. То есть настроение было слишком хо-

рошим, чтобы портить его чтением подобной ерунды. Начи-
таюсь, ничего полезного не найду, только расстроюсь – или
из-за человеческой грубости, или из-за глупости, или из-за
общего несовершенства мира. Нет уж, только просмотр поч-
ты и обновлений любимых сериалов! Ну и книжки можно
посмотреть. Но быстро!

С этими оптимистичными мыслями я и заглянула в самое
любимое место всего экипажа (камбуз, конечно), чтобы от-
читаться перед штурманом о проделанной работе.

– Василич? – позвала я, растеряннo оглядывая прямо-
угольное помещение, вдоль дальней от входа стены которого
располагались все полезные приборы и выход транспортера
для доставки продуктового сырья из хранилища, а ближнюю
к входу часть занимал простой прямоугольный стол со сту-
льями вокруг. Здесь сейчас было пусто и тихо, хотя я мог-
ла поклясться, что слышала какие-то шорохи, когда входила
внутрь.

В ответ на мой оклик из-под стола донеслись какие-то
неопределенные шуршаще-хлюпающе-булькающие звуки.
Я испуганно попятилась к двери, в красках представив ка-
кое-то страшно ядовитое местное животное, заползшее сюда
вслед за мной и уже доедающее Василича. Но путь прегра-
дило серебристое полотно перегородки, ощутимо напoддав-
шее по затылку, спине и тому, что пониже. Видимо, от удара
в голову немного прояснилось, и я догадалась заглянуть под
стол, прежде чем окончательно впасть в панику.

– Аленушка, нельзя так пугать людей, – с набитым ртом проворчал недоеденный моей фантазией штурман, задним ходом выбираясь из-под стола и на ходу дожевывая бутерброд. – Я уж решил, Ада Измайловна изволили вернуться.

– Я вас напугала?! – возмущенно выдохнула я. – У меня чуть сердце не остановилось, когда вы там завозились, я решила – завелся кто-то прожорливый. Хотя... – протянула, с сомнением разглядывая мужчину, – не так уж я и далека от истины. Как в вас столько влезает?! Обедали же буквально только что!

– Вроде такая милая девочка, а такая язва, – мягко укорил он, хотя в голосе прозвучала одобрительная улыбка. – Хлеба деду пожалела, ай-ай-ай! А у меня желудок чужой, мне, может, тяжело.

– Чужой – это от трупа с Колумбины? – машинально уточнила я. Трупами назывались эндемики той планеты, симпатичные некрупные зверьки, похожие на гибрид полосатой мартишки с пятилапым осьминогом, прославившиеся способностью за раз сжирать количество еды, в десять раз превышающее собственный вес. Способность, впрочем, объяснялась условиями обитания: у Колумбины очень вытянутая орбита, и на то время, что она находится вдали от своего светила, почти все живое впадает в спячку. Температура на поверхности, правда, не совсем экстремальная – ниже двухсот градусов² опускается только на полюсах, – но затишье

² Имеется в виду, конечно, шкала Кельвина.

длится почти три стандартных (то есть, земных) года.

За что древние экзобиологи (планета была открыта еще в первую космическую эру) так приголубили бедную зверушку (повторюсь, весьма милую, травоядную и вполне безобидную), я так и не поняла³. Все словари единогласно утверждали, что кадавр – это нечто искусственного происхождения, какое-то мифическое существо вроде зомби или гигантских мутантов.

Но это шутки, на самом деле под «чужим желудком» подразумевался протез, уже много лет заменявший штурману этот орган. Никаких проблем подобная замена ему не доставляла, но мужчина, дурачась, порой имел привычку вспоминать данный факт собственной биографии, из-за которого был комиссован из армии раньше срока.

– Ох и повезет же твоему мужу! – с насмешливой ухмылкой сообщил Василич. – Ты чего хотела-то, злодейка? – уточнил он.

– А! Хотела сказать, что я договорилась с «Выпью», можно пить! В смысле на Землю докладывать. Я больше не нужна, могу идти?

– Как не стыдно такие ужасы говорить, – вновь укорил он. – Далеко ли мы без твоей золотой головы и нежных ручек упрыгаем! Но отдыхать можешь, Аленушка, иди.

Когда он так меня называет и разговаривает в таком тоне,

³ В отличие от экзобиологов-исследователей Алена, видимо, не знакома с творчеством братьев Стругацких.

у меня неизменно складывается ощущение, что Рыков издевается, хотя он явно вполне серьезен. То есть иногда действительно ехидничает, но ко мне относится в самом деле тепло и даже с уважением, на мой взгляд несколько незаслуженным, но лестным.

В Инферно я зависла неожиданно плотно и основательно. По дороге сюда с самой Земли было не до того, и я почти две недели обходилась без сети. Зато сейчас постаралась на всю катушку воспользоваться полученной возможностью и с удовольствием пополнила носители информации своего бика кучей увлекательной ерунды и некоторым количеством объективно полезных вещей вроде обновлений программ и каких-то интересных новостей по специальности.

Биков, то есть биокомов – биокомпьютеров, биокоммуникаторов и биокомплексов, – сейчас развелось великое множество. Некоторые оригиналы вживляют их в качестве многофункциональных имплантатов, но большинство все-таки использует отдельные устройства: надежность таких сложных приборов значительно меньше, чем у более простых узкоспециализированных имплантатов. Если выйдет из строя независимый бик, это приведет только к финансовым убыткам, а если сгорит такая штука, встроенная в мозги... в общем, вероятность остаться идиотом без возможности восстановления личности – это еще не самый худший итог. Хотя, если тщательно следить за ним и за собой, наверное, можно жить. Некоторые биопанки вообще начинают себя элек-

троникой так, что даже сленговое выражение появилось «все мозги прочиповал», то есть – окончательно рехнулся на этой теме и за ее пределами уже ничего не видит. В таких развлечениях нет ничего чрезмерно страшного или запрещенного, но с эмоциями и социальной сферой у таких ребят все... не очень хорошо. Откровенно говоря – печально.

Мой биоком – самой простой и, по-моему, самой удобной модели. Он выглядит как декоративная повязка с эластичными вставками, позволяющими системе удобно сидеть на голове. В принципе с ним можно ходить, не снимая, но это вариант не для меня: при таком раскладе невозможно пользоваться рабочим терминалом, они сильно конфликтуют и начинают сбоить оба. Учитывая, что, по мнению производителей, изложенному в описании, такого быть не должно... видимо, ревнуют. Ну и, кроме того, бик – хрупкая и чувствительная игрушка, а я, конечно, не Ванька, но тоже чрезмерной ловкостью не отличаюсь. Одно дело стукнуться лбом о какую-нибудь незамеченную железку: почесала шишку да пошла дальше, в крайнем случае – обругала злодейку-обидчицу и посетовала на жизнь. А если приложиться биокомом, с ним при плохом раскладе можно окончательно проститься. Не так жалко прибор, как накопленную в нем информацию.

Собственные развлекательные пристрастия я... не то чтобы держала в тайне, но не афишировала. Ну их. Мужчины – народ такой, им только дай повод понасмешничать. Не со зла, конечно, но иногда все равно бывает обидно, а в этом

случае – особенно. Я только с тетей Адой делюсь, которая мои вкусы полностью разделяет и свято блюдет тайну. Как она говорит, «девичьи секреты, и уберите уже свои любопытные носы!».

Наверное, единственное, что всерьез расстраивает меня в нынешней жизни, это отсутствие каких-либо личных отношений. Флирт с пилотами и коллегами с других кораблей, встреченными на станциях и планетах, не в счет. Отношений этих нет не потому, что я считаю себя какой-то неправильной, недостойной или, напротив, жду принца на белом звездолете. Причина банальна: полное отсутствие поблизости хотя бы относительно подходящих мужчин. Василич, конечно, замечательный, но ему уже семьдесят девять.

Вот и приходится компенсировать недостатки работой и разнообразными сказками про любовь. И мечтать, что на нас нападут грозные пираты, а потом (желательно очень быстрое «потом»: ближе знакомиться с пиратами мне категорически не хочется) прилетят героические полицейские и самый героический заслуженный капитан (естественно) очень геройски вынесет меня из огня на руках, прямо там влюбится, признается в своих чувствах и попросит моей руки. Мечтать – но при этом не забывать поплевывать через плечо (зечики побрали бы этих пиратов всех скопом, не дайте реликтовые духи⁴ встретиться с ними на самом деле) и старательно

⁴ Еще один фольклорный персонаж. Согласно популярной в начале Второй (текущей) космической эры религии Свидетелей Большого взрыва Вселенная имеет

не задумываться о том, насколько глобально будет «не до того» капитану полицейского корабля. Во-первых, не до спасения собственными руками каких-то подозрительных девиц (капитан – он на то и капитан, чтобы командовать, а не лезть вперед всех в пекло; причем командовать, как понятно из названия, кораблем), во-вторых, совершенно не до любви. Ну и, в-третьих, капитан (по опыту) должен быть по меньшей мере в два раза старше меня и либо женат (с довеском в виде пары-тройки детишек, и хорошо, если только на одной планете), либо... подозрительно не женат в своем возрасте.

А в благородных пиратов я не верила даже со всеми натяжками и допущениями.

За бессмысленным, но увлекательным путешествием по просторам Инферно время пролетело незаметно, и голос дяди, переданный «говорилкой» (внутренней системой связи), застал меня врасплох.

– До старта пять стандартных минут, всем занять свои места согласно штатному расписанию.

Прозвучало очень строго и резко; дядя явно скучал по флотскому прошлому и постоянно пытался окружить себя мелочами, напоминающими о нем. Например, у нас, в отличие от прочих частных грузовиков, никогда не бывало про-

привычку периодически сворачиваться, а потом взрываться, и где-то на ее просторах носятся реликтовые духи – то, что осталось от сущностей, недовзорвавшихся на предыдущем витке развития и переживших оный взрыв. Своим последователям они обещают подобную честь при очередном Большом взрыве, который случится буквально со дня на день.

блем со всевозможными документами, начиная с накладных на грузы и заканчивая инструкциями. До паранойи, правда, не доходило, и безукоризненного следования им дядя Боря не требовал. Что очень правильно: бунт, даже на таком маленьком корабле, – крайне неприятное явление. В отличие от своего старого друга, штурман был рад-радешенек избавлению от «обязаловки» и уставов и попытки возврата к ним встречал ехидством и возмущением. Наверное, потому, что служил дольше и в значительно более жестких условиях.

– Аль, отключайся, хватит ученых разорять, – добавил капитан уже нормальным тоном, и я поспешила выйти из Инферно, почувствовав смущение, будто меня застукали за чем-то неприличным.

Я на всякий случай попыталась вспомнить, чего штатное расписание хотело от меня в данный конкретный момент времени, но не преуспела в этом, а лезть выяснять было лениво, так что я продолжила валяться на койке и разбирать добычу. Тем более что возможных вариантов местонахождения имелось немного: либо все та же каюта, либо пультавая (что маловероятно), либо двигательный отсек. Я никак не могла запомнить: механик считается дежурной единицей, которая должна в тревожные моменты сидеть в самом ответственном месте, или все же в некоторой степени балластом, потому что если при старте произойдет какой-то сбой в оборудовании, шансов исправить его «на горячую» ничтожно мало.

За что я, кстати, была отдельно благодарна приемным родителям, так это за сокращение «Аля». Звучание собственного имени мне нравится, нравится даже набивший оскомину ласковый вариант «Аленушка», но – со стороны, без приложения ко мне. Потому что за годы жизни невообразимо надоели шуточки и отсылки к соответствующей сказке.

На том же самом месте я провела еще часа два: пока взлетели, пока удалились на достаточное для прыжка расстояние, пока «раскачивался» прыжковый двигатель.

Наблюдать за внепространственным переходом – а вернее за тем, как корабль исчезает из точки «А», чтобы потом появиться в точке «Б» – интересно со стороны. Прыжковый двигатель создает вокруг себя (ну, и всего транспорта заодно) сферу стабильного поля, «вырезая» ее из пространства, «выталкивает» за пределы евклидовых координат. А со стороны все выглядит так, будто двигатель через себя выворачивает корабль наизнанку. Говорят, можно разглядеть даже корабельную начинку, и про это, кстати, тоже придумана масса страшилок. Про это и про то, что можно увидеть вне пространства.

Сказки, конечно, никаких монстров и приветов с того света там нет, просто оптический обман и игры восприятия. Если наблюдать за переходом изнутри с помощью камер внешнего обзора, кажется, что в какой-то момент на корабль просто накинули темное покрывало: разом исчезают все звезды и вообще все, что было вокруг. Правда, вскоре становится

понятно, что тьма вокруг не совсем крошечная, как будто колпак слегка просвечивает, а за его пределами находится большая яркая лампа. А иногда сама тьма будто идет волнами и начинает переливаться разными оттенками. Это похоже на земное полярное сияние, только очень тусклое и охватывающее не отдельный участок небосвода, а все пространство вокруг.

Лично мне почему-то очень нравится вглядываться в эту живую черноту, она совсем не пугает, наоборот, действует умиротворяюще. Сейчас, впрочем, я в двигательный отсек (откуда особенно хорошо наблюдать за окружающим миром) не рвалась, значительно сильнее увлекшись новыми приобретениями. Я и так видела этот момент уже много раз, можно обойтись.

Пока еще никому не удалось заглянуть за пределы пространственного пузыря, создаваемого прыжковым двигателем. Предметы, оказывающиеся за его пределами, «выпадают» в реальный мир, причем их координаты непременно лежат на условной прямой, соединяющей точки «А» и «Б» маршрута в момент появления предмета. Хотя скорость внепространственного перемещения нелинейна, и более того — один и тот же маршрут может занять разное время, причем иногда набегает разница в несколько суток. Считается, что все видимые и осязаемые (с помощью приборов, конечно) проявления происходят во время перехода как раз на границе раздела. То ли часть «прихваченного с собой» простран-

ства «размазывается» по всей длине пути, то ли, наоборот, что-то прибывает.

Что происходит с кораблем, когда он выпадает из привычных пространственных координат, не знает никто. Где и в каком качестве он существует и существует ли вообще? Время внутри корабля и во внешнем мире течет одинаково за единственным исключением: переход «съедает» чуть больше трех секунд корабельного времени, то есть все часы внутри убегают на три секунды вперед. Время установлено экспериментально и не зависит ни от дальности перехода, ни от размеров корабля, ни от конфигурации двигателей и хронометров: константа, как число «пи».

Главным плюсом (после скорости перемещения, конечно) внепространственных перемещений является невозможность переноса в плотную среду. Если попасть в пылевое облако еще можно, риск выхода в метеоритном потоке ничтожно мал, а уж случаев столкновения с крупными объектами за века подобных переходов вообще не было зафиксировано.

Внепространственные прыжки открыли ужасно давно, еще в Первую космическую эру. Потом, во времена Вторжения и последовавшего за ним Затмения, эти знания оказались временно утрачены, но больше трехсот лет назад человечество вновь открыло для себя дальний космос.

Конец Первой космической эры наступил чуть меньше восьми веков назад, когда наша цивилизация столкнулась... с чем-то. Сведения о том периоде настолько противоречивы

и пронизаны таким ужасом очевидцев, что найти в огромном объеме информации крохи истины не способны, по-моему, даже маститые историки. Где заканчиваются легенды и начинается правда, от этих легенд неотличимая? Даже официальные источники осторожничают и избегают четких формулировок. Вероятнее всего, люди встретились с чуждым разумом, и встреча эта оказалась губительной. Причем крах был неестественно быстрым и сокрушительным, и мне кажется, никто толком не успел понять, что именно произошло. Наверное, потому и остался в человеческой памяти только страх, не подкрепленный никакими фактами.

Самой сложной загадкой того периода является один вопрос: почему все-таки наступило Затмение? Были разорваны связи, и погибли колонии (причем не все, только самые удаленные и неразвитые), а до Земли этот вал вовсе не докатился. Не наблюдалось разрушений и массовых смертей, никто не сжигал города и не травил атмосферу, но на несколько десятилетий высокоразвитая цивилизация вдруг погрузилась в хаос. Причем даже серьезных планетарных войн в то время не происходило; людей давил иррациональный страх перед небом, и они единодушно стремились забиться поглубже. Тогда строились подземные и даже подводные города, сейчас заброшенные за бесполезностью и неудобством.

Тогда же наступил настоящий расцвет всевозможных религиозных организаций: звезды, которые прежде манили, в тот период стали воплощением кошмара, ад и рай поменя-

лись местами. Затмение создало сотни тысяч версий предшествовавших ему событий и населило пространство за пределами атмосферы несусветными ужасами, в массе которых правда просто захлебнулась. Если ее, конечно, хоть кто-то знал.

Ровно та же картина наблюдалась на территории выживших колоний. Люди сами уничтожили всю дальнюю связь и все корабли и остервенело вгрызались в кору планет.

Много печальней участь миров, где жизнь без помощи метрополии была невозможна, как раз они погибали в муках. Они и крупные космические станции, удаленные от обитаемых планет, были брошены на произвол судьбы.

Но на некоторых планетах наблюдалась гораздо более странная картина: люди как будто ушли. Просто ушли, разом десятки, даже сотни тысяч обитателей, все до последнего. Начали точно так же, как и на остальных планетах, с уничтожения кораблей и средств связи, стали закапываться в землю, но потом вдруг передумали – и исчезли, а время съело следы, способные хоть что-то прояснить. Таких планет было всего четыре, и их суеверно обходили стороной все космолетчики, кроме редких исследователей.

Судьба еще десятка миров неизвестна: там жило слишком мало людей, чтобы память о них прошла через века. Исследователи, конечно, работали, но я не слышала о сколько-нибудь существенных результатах.

Отпустил этот страх не настолько внезапно, как появился,

но тоже достаточно неожиданно. Во всяком случае, достаточно для того, чтобы убедиться в его искусственном происхождении. Но даже эта теория – единственная, хоть как-то объясняющая столь странный панический приступ – имела массу слабых мест. Каким образом можно воздействовать разом на все многомиллиардное человечество, освоившее тогда больше полусотни миров? Почему это воздействие прекратилось? Почему за ним не последовал другой удар, почему таинственный противник не закончил начатое? Нас хотели отпугнуть от какого-то совершенно конкретного места, а потом необходимость в этом отпала?

Версий и предположений рождались миллионы, не только у ученых. У всевозможных писателей тема Вторжения по сей день оставалась любимой наряду с исследованием дальнего космоса, и, честно говоря, некоторые их идеи выглядели гораздо правдоподобней научных исследований. Наверное, потому, что в отличие от трудов ученых творения писателей на то и творения писателей, чтобы не требовать экспериментального и математического подтверждения.

Этот страх прошел уже очень давно, человечество полностью оправилось от потрясения, но по сей день оставалось множество противников и межзвездных перелетов в целом и внепространственных переходов в частности. Последних обыватели особенно опасались, и часто для тех, кто «прыгал» первый раз в жизни, это оборачивалось большим стрессом. У нас на корабле, понятно, таких не было: дядя Боря

с Василичем слишком разумны для таких страхов, тетя Ада полностью доверяла своему мужу. Ванька просто любил корабль и перелеты да еще рос на редкость бесшабашным парнем, ему бы как раз не помешала некоторая доля осторожности. Впрочем, я со своими предупреждениями не лезла. Давно уже усвоила, насколько братец упрямый (даже не козел, а настоящий баран), и, если его от чего-то отговаривать, начнет делать назло.

Я же, хоть во многом остальном и трусиха, прыжков не то что не боялась, я их вполне искренне любила. На мой взгляд, посадка в ручном режиме гораздо страшнее.

– Деточки, ужинать! – отвлек меня от размышлений и увлекательного занятия бархатистый женский голос.

Я окинула грустным взглядом развешанные вокруг голографические изображения, вздохнула и, смиренно сложив прибор (отчего изображения, понятное дело, растаяли), убрала его на место. Спорить с тетей Адой, когда та полна энтузиазма всех накормить... нет, спасибо, я еще в своем уме. Одно утешает: готовит она отлично, стыдно жаловаться.

Когда я нога за ногу доплелась до камбуза, там уже собрались все. В отличие от меня, малоежки и «вечного вызова» (по словам дяди Бори) ее способностям, мужчины радовали нашу хозяйку отменным аппетитом. И меня тоже радовали, потому что вечно голодному (даже тогда, когда в него физически уже не лезет) Ваньке можно украдкой скормить часть собственной порции, когда тетя отвернется. А осталь-

ные не выдадут, только усмехнутся иронично.

– Алечка, милая, ты совсем не бережешь мое больное сердце, – привычно укорила хозяйка, окинув меня взглядом и качнув головой. Голос у нее был глубокий и мягкий, а еще она нечетко выговаривала букву «р». Звучало в результате очень необычно, будто с акцентом, но я всегда слушала ее речь как музыку. Есть что-то невероятно завораживающее в низких женских голосах, как будто с тобой разговаривает не простой человек, а... не знаю, может быть, кто-то из совсем древних языческих богинь? Сама стихия земли и женского начала? – Если ты и дальше продолжишь худеть, мужчине будет больше не за что зацепиться, останется только повиснуть на твоей шее. А мужчина не должен висеть на шее, мужчина должен держать тебя сам, и ощутимо ниже! – настаивательно говорила тетя, пока я устраивалась на своем месте. Во главе стола сидел капитан, его супруга – по правую руку, по левую – Ванька, рядом с ним я, а напротив – соответственно, рядом с тетей – Василич.

Голос отлично подходил к наружности этой женщины. Невысокого роста, плотного телосложения, как говорят – с формами, со всегда аккуратно уложенными вокруг головы волосами, черными-черными и настолько густыми, что я всегда тихонько завидовала, даже понимая, что светлые волосы просто значительно тоньше, и не мечтая об «обмене». Темные большие глаза на круглом лице из-за своего специфического разреза казались всегда печальными, хотя тетя –

вполне жизнерадостная женщина. Когда она хмурилась, густые черные брови выразительно сходились над переносицей; у нее вообще очень выразительное и, несмотря на далекие от абстрактного идеала тонкие губы и крупный нос с осязаемой горбинкой, красивое лицо. Лучше, чем у этих идеалов: запоминающееся и яркое.

– Дело говоришь, – солидарно покивал штурман. – А ты, Аленка, слушай; Ада Измайловна знает, за нее Борька вон сколько лет держится. А и почему не подержаться, если есть за что! – Василий откинулся на спинку стула, демонстративно скосив взгляд на... пусть будет сиденье тети.

– Главное, не перестараться с формами, а то не удержит, – поддел братец.

– Охальники, что старый, что малый, – снова укорила тетя, мягко качнув головой. Как будто не она начала этот разговор. – Надо искать такого, чтобы удержал независимо от форм! Не мальчика, но мужа.

– И мы возвращаемся к началу разговора. Если будет держать независимо от форм, зачем усложнять ему задачу? – иронично резюмировала я. Эта тема для меня, конечно, не до такой степени болезненная, чтобы закатывать истерики, активно страдать и отравлять окружающим жизнь, но я все равно попыталась ее закрыть. – Приятного аппетита!

– Кушайте, дорогие, – поддержала меня тетя, но сбить себя с толку не позволила. – Алечка, мужчины – они же как дети. Их надо любить, о них надо заботиться, но ни в коем

случае не стоит их баловать, иначе найдешь проблем на свои же хрупкие плечи.

Я предпочла смиренно промолчать в ответ, а мужчины уже жевали и на беседу настроены не были, поэтому разговор все-таки заглох.

– Дядь Борь, а куда мы сейчас летим? – полюбопытствовала я после еды. Болтовню с набитым ртом тетя решительно не одобряла, и получалось, что проще следовать установленным ею правилам, чем слушать ворчание.

Благодаря кулинарной страсти нашей хозяйки питались мы не просто хорошо – изумительно. Синтезатор (внушительных размеров агрегат, расположенный в специальной нише в дальнем углу камбуза) в зависимости от программы чисто теоретически был способен собрать что угодно: от монокристалла обыкновенной соли до суперкомпьютера, главное – заложить в него нужные химические вещества и программу. Но теория, как это часто случается, сильно расходилась с практикой, и возможности прибора были весьма ограничены. Он умел выдавать уже готовую еду, но на вкус та получалась как пластмасса, да и внешний вид оставлял желать лучшего. Зато кулинарные «исходники» выходили вполне пристойными, неотличимыми от натуральных не только по химическому составу, но и по вкусу. Форма, конечно, подкачала – то же мясо синтезатор выдавал ровными прямоугольными брикетами с идеально параллельными волокнами и ортогональной капиллярной сеткой внутри, – но

так даже удобнее.

– Вань, не помнишь номер системы? – чуть нахмурившись, уточнил капитан. Когда брат, по-прежнему что-то жу-ющий, только развел руками в ответ, пояснил: – Недавно от-крытая планета, на ней всего пара научных станций, надо за-кинуть несколько контейнеров и закрыть заказ. Прыжок ко-роткий, на самый край этого же сектора, а потом двинемся в более обжитые места. Кое-что докупим, новые заказы возь-мем.

– А обжитые места – это какие? – осторожно уточнила я.

– В окрестности Олимпа, полагаю, – пожал плечами дядя. Олимп – столица этого сектора, мир высокоразвитый и густонаселенный, и это меня полностью устраивало. – А что тебе нужно-то?

– Да так, – смущенно отмахнулась я. Поскольку дядя про-должал смотреть вопросительно, пожала плечами и ответила сущую правду: – Я себе брючки присмотрела, а на Олимпе точно должны найтись нужные магазины.

– Женщины, – философски вздохнув, протянул дядя. – Зачем тебе они, если ты все равно из комбеза почти не вы-лезаешь?

– А еще у меня пломбы и заплатки кончаются, осталось максимум на одну серьезную поломку, – парировала я. – Брюки так, заодно. И вообще...

– Не ворчи, будут тебе брючки, – усмехнулся он. – Я же не возражаю!

Глава вторая, *в которой провидение располагает, как ему вздумается, мало интересуясь нашими планами*

Что я по-настоящему люблю, так это моменты выхода из прыжка. Я стараюсь их не пропускать и встречать во всеоружии; за десять лет на корабле мне так и не успело это наскучить. Во всеоружии – то есть в двигательном отсеке и со скрипкой в руках. Над этой моей привычкой сначала смеялись, потом недоумевали, потом – иронизировали, а теперь наконец привыкли и больше не спрашивают, зачем мне это надо. Как я могу объяснить, зачем, если и сама не знаю?

Не могу объяснить и толком сформулировать, что меня привлекает. Просто это те редкие моменты, когда я искренне благодарна судьбе за знакомство со скрипкой, за полученную от родителей способность находить пронзительную и завораживающую красоту в том, что кажется обыденным. За возможность видеть, слышать и ощущать.

Я люблю вглядываться в пустоту за пределами тонкой корабельной скорлупки, ту самую, загадочную, в которой находятся путешественники, временно переставшие существовать в реальном мире. Говорят, это вредно и даже опасно.

Правда, говорят с осторожностью – никто не может объяснить, чем именно. Наверное, источник этих предупреждений – обычный страх перед неизвестным. А я... там красиво, но даже не в этом дело.

Я точно знаю, что корабль любит мою музыку. Стараюсь не злоупотреблять, потому что даже мне самой это периодически кажется странным, но в такие моменты удержаться невозможно. Подлинное наслаждение, удовольствие настолько яркое, что на глаза наворачиваются слезы.

Сначала – шлем терминала. Он поначалу мешал, но я очень быстро привыкла, а без него... без него это будет череда звуков. Да, красивых, но – не тех.

Футляр пахнет старым лаком, канифолью и чем-то неуловимым. Мне кажется, именно так пахла мама, это ведь ее скрипка. Не концертная, а домашняя, для себя. Сделанная безымянным мастером, звучащая совсем не так, как бесценные древние произведения искусства, но... в ней есть душа. Не такая, как в технике и прочих предметах; своя, настоящая, абсолютно живая. Возможно, когда-то давным-давно эта скрипка была живым человеком?

Лак кажется теплым. Всегда. Шейка инструмента сама просится в ладонь, подбородок устраивается на предназначенном для него ложе так уютно, будто это не посторонний предмет, а продолжение тела. Смычок... он тоже живой и очень легкий, как виляющий хвост собаки, встречающей хозяина. Так и просит: «Коснись! Ну! Я скучал!»

Я тоже скучала.

Пальцы все помнят, им не нужно внимание разума. Я не гений и не виртуоз, просто есть несколько мелодий, которые я, кажется, способна сыграть в любом состоянии. Теперь можно позволить себе отпустить реальность, полностью отрешиться от собственного тела. Позволить живой темноте окутать себя, на какое-то время забыть обо всем – о существовании рядом других людей, обо всех приборах и бегущих по нейронным сетям импульсах. Больше нет человека, все материальное осталось где-то позади, а здесь... только свобода бесконечного полета и хрустально-чистый, пронзительно-нежный звук.

Мне кажется, эта пустота вокруг отзывается на него. Краски становятся сочнее, меня уже полностью окутывают перемены света – голубовато-зеленые, холодные, но удивительно ласковые, будто живая лесная тень. Разум знает, что это говорит только о приближении точки выхода, но здесь и сейчас... кому есть до него дело?

Вокруг завиваются радужные вихри. Я ощущаю не только дрожь инструмента в руках; я чувствую, как звуки наполняют пространство плотным наэлектризованным облаком. Где-то рядом стучит сердце – тихо рокошет двигатель, готовый свернуть пузырь перехода. Стучит и мурлычет от удовольствия, впитывая знакомую музыку. И благосклонно решает послужить еще, удержать чуть живую цепь от обрыва, а прибор – от поломки, позволить своим крошечным соседям,

считающим себя его хозяевами, еще полетать, увидеть другие миры. А самому – послушать, как тонко и ласково поет скрипка. Умереть никогда не поздно, можно опоздать только жить.

Музыка, кажется, выбирается за пределы тонкой скорлупки корабля. Музыка струн, тонких пальцев и биения пульса. Мгновение – и я почти могу различить тихие-тихие, едва слышные голоса, будто далекий оркестр начинает подпевать одинокому соло. Звук становится сильнее и пронзительнее, а хоровод света – быстрее. Следом за ними ускоряется пульс – мой ли, корабля, какое это имеет значение?

Еще мгновение – и свет рассыпается мириадами крошечных холодных искорок далеких звезд, а мне кажется, будто я вынырнула из толщи воды и теперь отчаянно хватаю ртом воздух. Вкусный, обжигающе-ледяной зимний воздух, пахнувший заиндепевшими ветвями скинувших листву деревьев, высоким синим небом и хрустящим под ногами снегом.

А потом вдруг в лицо мне плеснули пламенем, и я... ослепла.

От пяток до макушки пронзила разрядом тока острая боль, смычок сорвался пронзительным высоким звуком – не фальшивой нотой, криком. За нас обоих, потому что у меня от этого неожиданного удара перехватило дыхание.

Потом... кажется, кто-то кричал. На разные голоса, и эта какофония была по ушам, оглушая и окончательно дезориентируя в пространстве. Я уже забыла, кто я, где нахожусь и

что вообще происходит, и всей душой отчаянно хотела только одного: чтобы все это поскорее закончилось.

Оборвался кошмар внезапно. Я вдруг прозрела и испуганно вытаращилась на физиономию брата, из ниоткуда возникшую передо мной. Кажется, он что-то говорил, но за грохотом пульса в ушах я ничего не слышала. Лицо обожгла пощечина, я протестующе вскрикнула, пытаюсь отшатнуться, но в голове ошутимо прояснилось. Например, я поняла, что сижу на полу в дальнем углу двигательного отсека, вжавшись спиной в угол, брат на коленях стоит напротив и упрямо тянет меня за локоть из этого угла, а я упираюсь, цепляясь за какие-то элементы конструкции. А шлем терминала валяется рядом, явно снятый с моей головы Ваней.

До меня постепенно начало доходить, что все недавние ощущения – не совсем мои. И ослепла не я, а корабль; и громкие звуки, причинявшие боль, здесь не слышались, да и самой боли тоже не было. То есть, наверное, что-то случилось с кораблем?

– Аленка! Ну наконец-то! – возмущенно сообщил брат, когда я все-таки поддалась и позволила извлечь себя из укрытия.

– Скрипка! – дернулась я из его хватки, когда сообразила, что брат увлекает меня к выходу, а инструмент так и остался лежать на полу.

– Тьфу, дура! – не сдержался Ваня, но руку разжал и терпеливо дождался, пока я аккуратно уложила скрипку в фу-

тляр.

– Что вообще происходит? – уточнила я, подхватывая свободной рукой кофр, за другую уже вновь ухватился брат и поволок меня, кажется, в сторону рубки.

– Падаем, – лаконично отозвался он. – Пока гравкомы справляются, но неизвестно, на сколько их хватит.

– Как падаем?! Куда падаем?! – Я вытаращилась на Ивана, предприняв попытку остановиться для выяснения подробностей, но мне не позволили.

– Вниз, – огрызнулся он, явно не желая ничего комментировать.

А я вдруг отчетливо осознала, что братец-то вырос. Что вот этот высокий крепкий юноша – уже не тот мелкий паршивец, который отравлял мою жизнь в юности, ходил за мной хвостом, мешал учиться и надоедал своими бесконечными вопросами. Сейчас меня тянул за руку без пяти минут мужчина, и, наверное, хороший мужчина – серьезный, ответственный, не теряющийся в экстремальной ситуации. И это уже я надоедала ему глупыми вопросами, заданными под руку в самый неподходящий момент, и, с его точки зрения, вела себя как глупая девчонка.

К этому выводу я успела прийти по дороге к пультовой, слушая пронзительную трель сигнала тревоги и пытаясь понять, что вообще происходит. Судя по всему, с кораблем во время выхода из прыжка что-то случилось, но что? Мы с кем-то столкнулись? Нет, вряд ли, куда бы мы тогда падали!

Василич промахнулся с курсом и мы выскочили в атмосфере планеты? Тоже сомнительно: во-первых, Василич не ошибается, а во-вторых, непонятно, почему ослепли внешние камеры. На нас кто-то напал сразу на выходе? Опять же очень странно – кто, зачем? И как умудрился подкараулить? И почему мы все-таки куда-то падаем?

И, кстати, зачем брат тащит меня в пультавую?

Последний вопрос я даже собралась задать вслух, но не успела: мы пришли.

– Я ее привел, – отчитался Иван, подтаскивая меня к креслу у стены и силой в него усаживая. Воспротивиться я не успела, а брат уже активировал систему креплений и сам поспешно уселся рядом. – Не в себе, но вроде живая.

Я опять попыталась возмутиться, но снова не успела.

– Ох, Аленка, и заставила ты нас понервничать! – не оборачиваясь, неодобрительно высказался штурман.

– Выкинуть бы эту пиликалку в открытый космос, – проворчал себе под нос братец, а я нервно вцепилась в футляр.

– Не дам! – заявила категорично.

– Алечка, Ваня шутит, – поддержала меня сидящая в соседнем кресле тетя Ада и мягко потрепала по плечу. – Мужчины часто имеют эту привычку – глупо шутить в неподходящий момент. Как ты себя чувствуешь, моя девочка? И что с твоим лицом?

Спокойный и как обычно ровный тон женщины помог взять себя в руки и сбросить похожее на легкую контузию

оцепенение. У тети вообще есть волшебная способность не только сохранять деловитое спокойствие и невозмутимость в любой ситуации, но и заражать ими окружающих. Я окончательно осознала, что поплатилась за свою любовь к переходам, что пострадал только корабль, а я сама – жива и здорова, если не считать горящей от пощечины щеки. Видимо, просто, сняв с моей головы шлем терминала, Иван нужной реакции не добился и догадался прибегнуть к более радикальному средству. За последнее я на брата, впрочем, не сердилась, никогда не думала, что оплеуха способна вернуть мозги на место, а сейчас вот испытала на себе.

Кто-то из мужчин догадался отключить систему оповещения – действительно, кого предупреждать об опасности, если все здесь? – и в пультовой воцарилась тишина. Кажется, еще более оглушительная, чем вой сигнала тревоги.

– Все в порядке, я случайно, – поспешила заверить тетю и отвлечься от этого пугающего беззвучия. – А что именно происходит? И почему мы все здесь?

– Ну какие неприятности мальчишки нашли на наши головы, я и сама не очень знаю, – невозмутимо проговорила тетя. – А здесь мы потому, что так положено: здесь самая прочная часть корабля, которая в крайнем случае...

– Это я помню, я имею в виду... что, все действительно настолько плохо? – перебила ее. Слукавила – о том, что рубка имеет свой собственный корпус и при необходимости может послужить спасательной капсулой, я вспомнила только

после этих слов. В голове до сих пор слегка звенело. Поспешила я с утверждением, что окончательно пришла в себя.

Тетя только развела руками, не зная, что ответить, но, на наше счастье, решил высказаться Ваня. В отличие от нас обеих он почти все свободное время проводил в пультовой, поэтому был в курсе последних событий. Оказалось, мы, что называется, «попали под раздачу». Недалеко (в космических масштабах) от того места, где мы выскочили из перехода, кипел бой. Кажется, полиции противостояла пиратская эскадра, но в этом брат не был уверен. Поскольку уйти в прыжок возможности не имелось – не тот у нас двигатель, чтобы прыгать туда-сюда без дозаправки, – осталось спасаться бегством. Учитывая, что удрать от боевого корабля по прямой мы не могли, мужчины нашли единственный выход – спрятаться на планете, являвшейся целью нашего пути.

Удирающих нас попытался преследовать один из драчунов, но, на наше счастье, этот маневр заметили полицейские и, несмотря на численное превосходство противника, сумели нас прикрыть. Хотя безоружному «Лебедю» все равно неплохо досталось, и сейчас мы пытались сесть на планету так, чтобы не разбиться об нее же и желательно оказаться поближе к научной базе. Компенсаторы пока стойко держались, обеспечивая нормальную силу тяжести, и оставалось только гадать, от каких перегрузок они нас спасают.

Чем закончился бой, и закончился ли вообще, брат не знал: старшее поколение занималось спасением корабля и

наших жизней, им было не до объяснений. Благо приказавшие долго жить камеры при посадке помогали мало, да и вообще выполняли скорее декоративную функцию, позволяя экипажу любоваться окрестностями в те редкие моменты, когда это действительно было интересно.

Меня пытались позвать, но, когда это не получилось, отправили за мной Ваню. Собственно, на этом полезная информация исчерпывалась.

Брат замолчал, и через несколько секунд я поняла, что скучаю по механическому голосу, предупреждающему об опасности и велящему собраться в рубке. Тишина стояла оглушительная: дядя Боря с Василичем общались без лишних слов, через терминалы, а нам только и оставалось, что слушать тихий гул двигателей и разглядывать статичную картинку, занявшую обзорные экраны. Заставка представляла собой великолепный вид на Землю с дальней орбиты и оказывала бы умиротворяющее воздействие, если бы мы не знали, что происходит на самом деле. Она так резко контрастировала с напряженными позами мужчин, с вцепившимися в манипуляторы ручного управления ладонями дяди Бори, что становилось еще страшнее.

Ожидание выматывало. Наверное, если бы было видно, как приближается поверхность планеты и как полыхает зарево, окружающее входящий в плотные слои атмосферы корабль, было бы спокойней. А сейчас... казалось, еще мгновение – и мы разобьемся. Мгновение проходило, а долгождан-

ная развязка все никак не наступала, и страх накатывал с новой силой.

Ванька хмурился, цепляясь за подлокотники кресла, и, наверное, очень жалел, что не он сейчас сажает корабль, что вынужден сидеть здесь, на предназначенном для пассажиров месте, и ничем не может помочь. Я же крепко обнимала футляр скрипки и мысленно повторяла одну мольбу, невесть к кому обращенную: «Хоть бы все обошлось, хоть бы все обошлось!» Сердце испуганно трепетало где-то в горле, и я почти ненавидела тот момент, когда выбрала эту специальность и связала свою жизнь с космосом. Чем я вообще думала в тот момент?! Ладно – специальность, но почему я не осталась работать где-нибудь на заводе, собирающем корабли?!

О том, что особенного выбора у меня не было, да и работа эта мне в другое время очень нравилась, я сейчас не думала. Что поделать, это Ванька может гоняться за приключениями, а я предпочитаю тихонько возиться с корабельными модулями. Желательно без авралов, где-нибудь на солнышке, на поверхности мирной и гостеприимной планеты. Космический разум, пусть эта планета окажется именно такой, а все мои страхи, как это часто с ними бывает, – сильно преувеличенными!

Не знаю, что бы со мной было, если бы не присутствие тети Ады. Ее феноменальное спокойствие и полное доверие к талантам мужа частично передавались мне и не позволяли впасть в истерику. Более того, в конце концов мне уда-

лось разозлиться на себя и почти перестать трястись. Как не стыдно паниковать?! Ванька вон держится в разы лучше, а он, между прочим, младший, и это я должна подавать ему пример! И мои недавние рассуждения о том, что мальчик вырос, не играют здесь никакой роли!

Но ничто, а уж тем более – падение, не длится вечно, мой кошмар вскоре закончился, и закончился вполне благополучно. То ли я недооценивала таланты дяди, то ли гравкомы были достойны памятника при жизни, то ли Ванька преувеличил масштаб катастрофы и не так уж неконтролируемо мы падали (или и то, и другое, и третье вместе), но сели почти ровно. Только на несколько секунд навалилась неприятная тяжесть – видимо, компенсаторы отрабатывали удар.

– Уф! – шумно выдохнул капитан, тяжело роняя руки на колени и рывком оборачиваясь к нам вместе с креслом. Спинка сиденья, повинувшись безмолвному приказу, отклонилась, позволяя мужчине принять более расслабленную позу. – Первобытный спутник мне в задницу, стар я уже для таких развлечений, – недовольно пробурчал он, стягивая шлем терминала и тыльной стороной ладони утирая лоб. Короткие черные, с проседью волосы топорщились во все стороны и, кажется, были насквозь мокрыми.

Хм. Пожалуй, с выводами я поспешила, и замечание брата об уровне опасности можно считать правдивым: никогда я еще не видела дядю настолько взмыленным. По всему видеть, посадка далась ему нелегко, а корабль (и мы вместе с

ним) висел на волоске. От мысли, что моя паника была вполне обоснованной, по спине пробежал холодок, заставивший нервно поежиться. Но страх все равно начал отпускатъ, конечности сделались тяжелыми и слабыми, голова – ватной, а тело – легким. И еще почему-то страшно захотелось пить.

– Ты, Борь, как знаешь, но после такого надо выпить, – в своей обычной, несколько вкрадчивой манере заявил Василич, тоже стягивая шлем. Почти повторил мои собственные мысли, хотя имел в виду явно совсем другое.

– Я ради такого даже коньяк готов распечатать. По глотку за здоровье нужно всем! – Капитан устало махнул рукой.

– Ну какой глоток, Боренька, – проговорила тетя Ада, наконец справившись с фиксирующей системой и поднимаясь из кресла. – Пойду лучше заварю чаю, нечего детей к алко-голю приучать.

– Традиции, Ада, нужно соблюдать, – неожиданно возразил ее муж. – И можно подумать, кто-то кого-то спаивать будет! У нас еще дел по горло.

– Ох, мужики. Лишь бы выпить, любую традицию под это дело подведут!

Тетя с ворчанием удалилась. Несправедливым, честно говоря, ворчанием; капитан в этом вопросе был кремень и спиртные напитки употреблял исключительно редко. Вот Василич, тот любил посидеть где-нибудь в баре со старыми знакомыми, которые по странному стечению обстоятельств находились у него на каждой захудалой станции. И то нико-

гда не позволял себе лишнего в преддверии важного дела.

– Дядь Борь, а правда, что ли, традиция есть? – осторожно уточнила я. Голос слегка дрожал, но слушался, что не могло не радовать.

– Есть, есть, – со смешком ответил штурман. – Старинная и сакральная. Лучше всего работает с пивом!

– Почему именно с пивом? – растерянно уточнила я.

– Потому что после принятия внутрь энного количества алкоголя за собственное здоровье, за спасение и благосклонность Космического разума, положено удобрить продуктами его переработки почву планеты, – ехидно пояснил он.

– Кхм. Это обязательно? А если на поверхность без скафандра выйти нельзя? – Я вытаращилась на мужчину в изумлении.

– Аль, ну кого ты слушаешь? – Дядя усмехнулся. – А ты, Василич, прекращай юных девушек страшить и учить плохому.

– А это, Борь, кто как традиции соблюдает. Удобрить почву – никогда не лишне! – не сдался штурман, но тему все-таки предпочел сменить: – Аленушка, а скажи-ка ты мне, что с тобой такое произошло, что у нас не получилось тебя дозваться?

Лично я бы предпочла прежние дурачества, потому что сейчас и дядя поднял на меня серьезный вопросительный взгляд, и мне сразу стало неловко.

– Мне кажется, меня немного контузило сразу после пе-

рехода, – неуверенно ответила я. – Когда камеры ослепли, я... растерялась. Мы попали под выстрел, да?

– Шальной, как назло, – поморщившись, подтвердил капитан. – Зацепило один из маневровых «факелов», потом еще один задело, пока драпали; ох нас и крутило при посадке!

– Сильно задело? – уточнила прагматично.

– Смотреть надо, – развел дядя руками. – Приборы, во всяком случае, не отрубились совсем, а просто сбоили. Попробуем восстановить своими силами, в крайнем случае – попросим помощи у ученых. Мы вроде бы недалеко от них грохнулись.

– Не спешил бы ты с просьбами. – Вмиг посерьезневший Василич качнул головой. – Сигнал бедствия вообще подавать не стоит, мы же не знаем, кто там дрался и кто в итоге победил, а приманивать пиратов не хочется. Да и с учеными я бы повременил.

– А они нас так не найдут, без приманки? – Я сразу же встревожилась.

– Лес густой и обширный, здесь научную базу-то только по координатам можно найти, что говорить про корабль, – отмахнулся капитан и настороженно покосился на товарища. – А ты не перегибаешь? С космосом, положим, согласен, рискованно. Но чем тебе исследователи не угодили?

– Ну сам подумай, не просто же так пираты мимо пролетали и столкнулись со скучающими на отшибе патрульными,

да? Похоже на облаву, а облавы на ровном месте не устраивают. Не удивлюсь, если где-то здесь база этих ребят.

– А с базы нас засечь не могли? – вклинился в разговор Ванька.

– Кто ж их разберет! Могли и не засечь. В любом случае лезть самим к ним в руки – не лучшая идея. Даже с учетом наличия у нас координат базы. Может, там уже давно никаких ученых нет, или их пираты поймали, или вообще полюбовно договорились. Предлагаю сначала проверить.

– Это, конечно, отдает паранойей, но спорить я с тобой не буду; в самом деле, лучше перестраховаться. Так что мы на разведку, а Аля пока попытается оценить степень ущерба.

– А я? – мрачно уточнил брат. Ему явно отчаянно хотелось отправиться в тыл к врагам, но настаивать младший благоразумно не стал: бесполезно.

– А ты сестре поможешь. И в случае чего сможешь поднять корабль.

– В случае чего? – едва ли не хором возмутились мы.

– Ничего никто поднимать не будет, – добавила я уже более развернуто. – Что за похоронный настрой? Опять же, ты сам говорил, «факелы» пострадали, далеко мы на них улетим? Прекратите пугать, мне и без этого уже страшно!

– Ладно, ладно, не ругайся. – Дядя поднял ладони в жесте капитуляции. – Нахваталась от старшего поколения, я прямо узнаю Адкины интонации, – заметил он со смешком.

– Сами воспитали! – возразила я.

На этом разговор исчерпал себя, и мы отправились на камбуз лечить нервы. Впрочем, про «надо выпить» Василич явно ляпнул для красного словца, ограничились ложкой чего-то крепкого каждому в кружку с чаем, так что эффект получился исключительно терапевтический.

Не знаю, как остальные, а я сумела наконец успокоиться. По телу разлилось приятное тепло, к невесть почему озябшим рукам вернулась прежняя подвижность и уверенность, вот только тяжесть из них перекечевала в голову. Отчаянно не хотелось куда-то идти и что-то делать, хотелось лечь и уснуть по меньшей мере на сутки, но пришлось волевым усилием сдвигать себя с места. Зечики знают, что там повредилось в двигателях и как все это чинить. И только ли двигатели с внешними камерами пострадали или есть другие повреждения.

Мужчины выгнали из трюма небольшой легкий антиграв и вооружились одним на двоих бластером – единственным оружием на корабле, хранившимся в капитанском сейфе, и сейчас, кажется, впервые покинувшем привычное место обитания. Мы вышли провожать их к грузовому шлюзу, благо природные условия планеты позволяли, и могли наблюдать, как быстро и бесшумно растворилась в джунглях машинка окраса «хамелеон». На меня данная картина произвела гнетущее впечатление, но я запретила себе об этом думать, решительно развернулась на месте и первой ушла обратно в рубку. Они взрослые умные мужчины, не пропадут.

Эта планета носила название «Мирра», была она изучена хуже Лауры, но во всех справочниках проходила как условно-безопасная. То есть среда, комфортная для человеческого существования, случаев столкновения людей с агрессивными местными обитателями не зарегистрировано, опасных форм растений (если их не есть и не трогать) – тоже. Цвет растительности здесь походил на привычный земной, разве что общий оттенок зелени был пыльным, немного белесым. А в остальном все вполне мирно и оптимистично: растения похожи на растения, животные похожи на животных, схожий химический состав не только минералов, но и органики.

Главное, чтобы мужчинам не пришлось применять их оружие против людей, которые могут оказаться самыми опасными обитателями планеты. Потому что... верить в дядю Борю с Василичем я верила, но здорово сомневалась, что они смогут что-то противопоставить самым настоящим пиратам, если на них наткнутся.

И сейчас мне ничего не оставалось, кроме как занять себя работой и попытками позитивно мыслить, думая о том, что все пираты в панике улетели, а полицейские их преследовали. Или о том, что пираты не лезли к ученым, предпочитая скрывать собственное присутствие. Или, на худой конец, что полицейские уже переловили всех негодяев.

Доверительный разговор с кораблем на тему «что у нас болит» затянулся надолго, но оказался весьма результативным да еще в меру оптимистичным. Выяснилось, что двига-

тели действительно живы и подлежат восстановлению. Помимо проблем с «факелами» и камерами наружного обзора обнаружилось, правда, еще несколько травм разной степени тяжести, но все они были излечимы собственными силами. Не сразу и не вдруг, но поломки оказались не столь страшными, как могли бы.

Похоже, гналось за нами что-то сравнительно небольшое и плохо вооруженное, а первый раз действительно зацепило на излете.

Теперь оставалось провести ревизию собственных запасов (к сожалению, заметно истощившихся) и понять, с чего надо начинать ремонт. Это не заняло много времени: очевидно, начинать стоило с обшивки, в одном месте державшейся буквально на честном слове, и двигателей. Камеры и несколько малозначимых модулей вполне могли подождать до цивилизации, а еще пару нужных вещей я решила латать по остаточному принципу. В смысле если останется чем.

Так что я спокойно прошествовала в технический отсек (по факту – обыкновенную, достаточно небольшую кладовку) и начала готовиться к бою за здоровье корабля. Первым делом туго переплела косу, собрала в пучок и повязала обычную косынку: всевозможных средств для фиксации волос существовали тысячи, но ничего удобнее, на мой взгляд, до сих пор не придумали. Потом нацепила обвязку индивидуального гравитационного подъемника, потому что добраться до обшивки по-другому было невозможно, и начала крепить

к поясу и рассовывать по карманам все, что могло понадобиться.

– Ты куда это? – подозрительно поинтересовался братец, засунувший нос в мою каморку.

– Выполнять свои обязанности, – пожав плечами, сообщила я. – Пойду заплатку ставить, у меня как раз одна осталась.

– Может, ты не будешь вылезать наружу? – хмуро уточнил он. – Мало ли!

– Если нас найдут, при желании вскрыть корабль не так сложно, – возразила я. – Так что будем мы сидеть внутри или нет, это ничего не изменит: все равно поднять его в воздух сейчас не получится и убежать мы не сумеем. А если я быстро починю то, что нельзя исправить изнутри, шансы удрать повысятся.

– Ладно, только я с тобой!

– И что ты там забыл? – Я в ответ вздохнула. – Вань, давай лучше ты мне поможешь, как дядя Боря и просил? Для этого тебе нужно сидеть внутри с терминалом, отвечать на вопросы по ближней связи и отдавать нужные команды оборудованию.

На том и порешили. К сожалению, мои рабочие терминалы за пределами корабля не работали – обшивка мешала, а выводить отдельный канал связи под них конструкторы не стали. И это очень разумно: большинство поломок можно исправить изнутри, а внешние работы такого пристального

контроля не требуют. Я и сейчас прекрасно обошлась бы без брата, но требовалось его чем-то занять, чтобы не путался под ногами. Потому что, если на нас вдруг в самом деле нападут бандиты, особой пользы от него все равно не будет – он же не взвод спецназа, правда?! – а так он хотя бы перестанет лезть под руку и даже получит возможность действительно облегчить мне работу.

Еще оставался, конечно, риск встречи с местными неразумными обитателями, от которых Ванька как сторонний наблюдатель мог бы меня предостеречь, но тут я предпочла довериться везению. С мелкого станется еще раз пошутить, я с перепугу что-нибудь сломаю, и привет. Нет, вряд ли он решит развлечься подобным образом в сложившейся ситуации, но мне спокойней в одиночестве.

И я приступила к работе.

...Когда мы сели – или, вернее, рухнули – в лес, местное светило находилось около точки зенита, а сейчас, когда я уже заканчивала с обшивкой, мурлыча себе под нос песенку, ощутимо вечерело. Гибкие ветви свободно стоящих раскидистых огромных деревьев, между которыми корабль казался игрушечным, давно уже расправились, закрыв небо – от нас, и нас – от него. Анализатор среды – широкий браслет, плотно обхватывающий руку, – ровно светился зеленым, поэтому дыхательный фильтр лежал в кармане, а я наслаждалась запахами леса. Здесь воздух был тяжеловатый, теплый, влажный, пахло прелостью и сыростью, но все равно прият-

но. Наверное, если бы не термобелье под комбинезоном, мне стало бы жарко или душно, а так я могла работать в свое удовольствие.

За мужчин я не слишком-то волновалась. До цели им несколько часов лету, а некоторое время назад дядя прислал Ваньке сообщение, что они уже выдвигаются в обратный путь. Подробностей он не сообщил, но, надо думать, все неплохо, если он вообще рискнул воспользоваться связью.

Оставалось около получаса работы, когда общее благодатное настроение и уютное спокойствие лесной тишины нарушились. Я долго не могла понять, в чем проблема и что не так. Никаких тревожных звуков не раздавалось, на дурное предчувствие это не походило, на какие-то более низменные проявления вроде усталости – тоже.

Но потом все-таки сумела сформулировать, что меня тревожило. Это было ощущение чьего-то пристального взгляда. Не враждебно-агрессивного, а... как будто ты делаешь что-то сложное и важное, а у тебя над душой стоит зевака, с любопытством ловящий взглядом каждое движение. И вроде вреда от него никакого нет, но раздражает.

Поскольку появление подобных наблюдателей казалось, мягко говоря, неожиданным и нежелательным, я испуганно встрепенулась и заозиралась. Я висела в воздухе на высоте чуть меньше десятка метров сбоку от корабля, поэтому обзор был неплохой. Только как я ни вглядывалась в зеленоватый сумрак, никого и ничего разглядеть не сумела, кро-

ме какой-то мелкой живности в ветвях. Даже крупных животных поблизости не увидела. Я вообще не помнила, чтобы в описании фауны планеты присутствовал кто-то крупнее средней собаки. Пожав плечами и поморщившись – наверное, мерещится всякое от усталости – вернулась обратно к неоконченной работе. И зацепилась взглядом за посторонний объект, висящий буквально в паре метров от меня, над заплаткой. Вернее, начинавшийся там – все остальное располагалось несколько выше и дальше.

Я пару секунд в полном шоке разглядывала представшее передо мной видение, а потом не придумала ничего другого, кроме как с визгом шарахнуться назад, запустив в зверюгу тем, что было в руке – «сварочным» аппаратом, на молекулярном уровне позволявшим скрепить края заплатки с обшивкой корабля. Получилось метко, прямо в морду. Животное обиженно взвизгнуло в ответ, по-волчьи выщерило на меня большие плоские желтые зубы и припустило прочь во все крылья.

А я набрала в грудь побольше воздуха и проводила беглеца еще одним переливчатым воплем. И хотелось бы сказать, что это был победный клич, только орала я отнюдь не от радости.

Через пару мгновений – я все еще висела на месте, пытаюсь перевести дыхание и взять себя в руки, – из корабля буквально выкатился брат с какой-то тяжелой штукой наперевес. Правда, найдя меня взглядом, он замер на нижней сту-

пеньке трапа. Взгляд из испуганно-злого стал растерянным.

— Аленка, ты чего орешь? — хмуро уточнил он, снизу вверх глядя на меня и опуская свое оружие. — Я уж решил, тебя тут убивают.

— Ва-ань, — сипло выдохнула я, пикируя к нему, цепляясь за его локоть и затравленно озираясь. — Я сейчас такое видела! Вань, у меня не глюки, правда? Я в него «кочергой» запустила и даже попала! Вань, я с ума схожу, да?!

— Да погоди ты; ну мало ли кто тут водится, — отмахнулся братец. Сделал последний шаг на землю и двинулся к тому месту, над которым я пару секунд назад висела.

В невысокой желтоватой местной траве, в паре метров в стороне, белел корпус сварочного аппарата, который все по привычке называли «кочергой» (кажется, за внешнее сходство, я смутно помнила, что означало это слово), и никто уже не знал заводского названия. Я все это время продолжала цепляться за локоть Ваньки и испуганно поглядывать на небо. Зечики с ним, что он моложе меня и даже почти мальчишка, зато он высокий и крепкий, и у него гарантированно полный порядок с головой, а вот за себя я уже не была уверена.

Переложив в левую руку свое оружие, при ближайшем рассмотрении оказавшееся обыкновенной гантелей, брат стряхнул меня с локтя и присел на корточки, чтобы подобрать «орудие возмездия». Только когда Иван выпрямился, я все равно снова ухватила за него: так определенно спо-

койнее.

– И кого ты так приголубила? – полюбопытствовал он, разглядывая кочергу. На светлом шершавом пластике отчетливо выделялись мелкие красные брызги.

– Вань, ты мне не поверишь, но это пегас, – потерянно пробормотала я. Кровь явно свидетельствовала о том, что это не галлюцинация. А жалко; я бы предпочла вариант с трещиной в собственной коре. В него определенно легче поверить.

– Тебе с перепугу и динозавр трехголовый привидеться мог, – пренебрежительно фыркнул брат. – Ну подумаешь, птичка какая-то полюбопытствовала...

– Вань, это была лошадь с крыльями! – Я нервно всплеснула руками, чувствуя, что нахожусь уже на грани истерики. – Здоровенная белая лошадь вот с такой головой, – я показала руками, какой именно, – и крыльями! Белыми, в перьях!!!

– А перья ты сосчитала, когда пыталась сбить его звуковой волной? – ехидно, почти идеально скопировав Василича, уточнил братец. – Аленк, ну мало ли на кого инопланетная зверюга похожа!

– Вань, оно на меня рычало, и зубы у него были лошадиные! – возмутилась я.

– Она и зубы уже рассмотрела, – скептически хмыкнул брат. – Что ты паникуешь? Пойдем попросим маму Аду сделать анализ, она тебе сразу скажет, что никакой это не пегас,

просто местная любопытная зверушка. Ну, может, внешне похожая.

– Да, действительно, – пробормотала я, покорно плетясь за Ванькой и на ходу пытаюсь взять себя в руки. – Подумаешь, ну, похоже... Не глюк же, раз кровь есть! И лошади ведь не рычат, да? И летать такая туша на таких маленьких крыльшках не может, так что, наверное, она просто пустая внутри. И никакая не лошадь. Жалко, внешние обзорные камеры не работают, можно было бы его разглядеть...

– С возвращением, – насмешливо поприветствовал он мое воссоединение со здравым смыслом. И проговорил, открывая дверь камбуза: – Мама Ада, тут Аленка какую-то местную зверюгу покалечила; давай глянем, что за тварь?

– За что ж ты ее так, голубушка? – участливо поинтересовалась та в ответ, на что братец пакостно захихикал, а я праведно возмутилась:

– А что она лезет мне в лицо?! Здоровенная дура!

– Ага, шлямба глухая, – насмешливо поддержал Ванька.

– Не глухая, а заглохлая! – возразила я. – Глухая – это ты. Учи матчасть!

– А заглохлая тогда кто? – уточнил он.

– Заглохлая шлямба – это такая деталь. Если ее расклинить, все сразу станет хорошо и перестанет ломаться.

– Где станет хорошо? – полюбопытствовала Ада, вслед за которой мы шли в медотсек.

Эта фраза про «заглохлую шлямбу» была нежно любима

дедом Ефимом, от него я ее и подцепила. Употреблял он ее нечасто и в основном по делу, так что остальные нахвататься не успели, а мне выражение понравилось и прижилось.

– Везде, – туманно отозвалась я. – На всех слоях мироздания.

Стараниями тети рабочий кабинет бортового врача был оснащен не то чтобы по последнему слову техники, но очень достойно, особенно для маленького частного грузовика. Наша хозяйка проявляла склонность к разумной перестраховке и старалась приготовиться к любой напасти, что уж говорить об элементарных исследованиях.

Анализ вещества, предположительно являвшегося кровью, много времени не занял; современное оборудование делает подобные вещи за считанные минуты. Правда, ознакомившись с его результатами, тетя Ада укоризненно уставилась на нас и сокрушенно качнула головой.

– Дети-дети, как же вам не стыдно?

– За что стыдно? – растерянно уточнила я. – Это не кровь?

– Где же вы, охламоны, лошадиную кровь-то достали? Никак пищевой синтезатор перенастроили. Ох, тоже мне, нашли время шутки шутить!

– Лошадиную?! – вытаращился на нее Ваня, потом подозрительно покосился на меня. – Аленк, ты прикалываешься, что ли?

– Лошадиную, – кивком подтвердила тетя. – Алечка, деточка, ну от тебя я такого точно не ожидала. Ладно мужчи-

ны... Ты что, таким образом мечтала обрести принца на белом коне? Посредством пищевого синтезатора?

— А я тебе говорила, что это был пегас! — заявила я, наставив на брата указательный палец. — А ты мне не верил!

— Алечка, родная, какой пегас? — укоризненно протянула Ада. — Говорю же, обыкновенная лошадь, белая. То есть конь. Самец. Насколько могу судить, вполне здоровый.

— Вот, Аленка! К тебе настоящий жеребец подкатывал, а ты его кочергой по морде! — заржал братец.

— Теть Ада, как же обыкновенный, когда он крыльями махал? — жалобно протянула я, проигнорировав зубоскала. — И, кстати, рычал на меня! И висел в воздухе на высоте десяти метров!

— Не знаю, чем он там махал, этот ваш жеребец, и какие звуки издавал, да только это была обыкновенная лошадь. И если вы не дурачитесь, мне страшно интересно, каким образом обыкновенная земная лошадь вдруг очутилась на другой планете. А уж прилепить декоративные крылышки поверх индивидуального подъемника можно даже мне, — неторопливо выключая и убирая оборудование, проговорила женщина.

— Почему сразу подъемника? — пробормотала я смущенно. Такой простой вариант мне в голову почему-то не пришел, хотя я и не представляла, каким еще образом такая здоровенная туша может держаться в воздухе.

— То есть ты таки настаиваешь, что оно летало своим хо-

дом? – с легкой иронией поинтересовалась тетя. – Алечка, ты же инженер, подумай сама. Даже если бы оно весило много меньше лошади и могло оторваться от земли – птички не умеют зависать на одном месте.

– Ну почему? А колибри? – обреченно и уже из чистого упрямства возразила я.

Тетя Ада ответила сочувственной понимающей улыбкой.

– Ага, колибри с лошадь размером, – хохотнул брат. – О! Наши приехали! – вдруг сообщил он.

Видимо, бик, красовавшийся на лохматой голове братца, был сейчас подключен к внутренним системам корабля. Лошадь с крыльями временно забыли за насущными делами: мы дружно ринулись навстречу путешественникам.

– Все в порядке? – Вопрос прозвучал одновременно с обеих сторон открывшейся двери внутреннего шлюза. После чего мы все, пересчитав друг друга взглядами, дружно облегченно выдохнули, хотя принимающая сторона тут же напряглась. Недостачи не обнаружилось, зато разведчики привели гостя.

Напряглись для порядка: на грозного пирата пожилой худощавый, интеллигентного вида мужчина не походил и вообще выглядел совершенно безобидно. Он молчал и разглядывал нас с умиротворенной улыбкой. Гость был одет в странный белый комбинезон, разукрашенный непонятными пиктограммами на груди, плечах и вокруг предплечий.

– Доброго вечера, сударь, – первой опомнилась тетя, а по-

том и мы с Ванькой выдали свое синхронное «здрасьте».

– Да, доброго! – Улыбка стала совсем блаженной, мы с братом ошарашенно переглянулись, но от кручения пальцем у виска удержались оба.

– Ада Таль, очень приятно познакомиться, – продолжила явно озадаченная тетя.

– Приятно, – откликнулся мужчина и закивал.

– Василич, дядь Борь, что вы с ним сделали? – громким шепотом уточнила я.

– Все хорошо, экспедиция проходит строго по плану, скоро уже будут конкретные результаты! – отчитался счастливый гость.

– Наговариваешь ты на нас, Аленушка! И пальцем не трогали, он такой и был, – тут же возразил Василич, а дядя Боря, как обычно, начал наводить порядок.

– Пойдемте переместимся в более удобное место, – командовал он. – Что мы в коридоре толчемся? В медотсек. Ада, осмотришь его? Вдруг это какой-то препарат, сбой или внушение и можно вернуть человека в реальность.

– Ох как я сомневаюсь, – качнула головой та. – Но отчего бы в самом деле не попробовать!

И мы двинулись обратно в только что покинутый отсек. Места там не так много – корабль маленький и малонаселенный, но поместиться должны были все.

Центр почти квадратного помещения занимал операционный агрегат – стол со спускающимися к нему с потолка

приборами непонятного мне назначения. В медицинскую аппаратуру я своими шаловливыми ручками не лезла принципиально, следуя сугубо врачебному принципу «не навреди», хотя иногда все-таки приходилось помогать. Но по большей части с периферией и более-менее универсальными устройствами.

По левую и по правую руку располагались койки для пациентов, которые при необходимости могли выполнять функции анабиозных камер: если помочь человеку своими силами было невозможно, его полагалось загрузить туда до момента возвращения в цивилизацию. А прямо, напротив входа, располагался пульт управления всем этим хозяйством, включавший в себя также комплект приборов попроще (многие из которых можно было снять и использовать за пределами медотсека). Венчал всю эту красоту типичный шлем терминала, очень похожий на мой. Который, по счастью, покидал насиженное место только для периодических проверок: он предназначался для непосредственного управления операционным агрегатом и использовался в особенно тревожных случаях, а таких, тьфу-тьфу-тьфу, на этом корабле не происходило.

– Так что это за тип? – поинтересовалась тетя Ада, усаживая послушного пациента в отдельное кресло возле пульта и производя непонятные мне манипуляции с какими-то из приборов.

– Профессор Кузнецов, к вашим услугам, – неожиданно

разумно отозвался тот. А потом в ответ на наши подозрительные взгляды добавил: – У нас все хорошо!

– Кажется, я начинаю ему завидовать, – задумчиво прокомментировал Василич.

– Это – единственный найденный нами обитатель исследовательской станции, – ответил капитан на заданный вопрос и бессильно развел руками. – В каком виде нашли, в таком и прихватили.

– А что случилось с остальными? – подозрительно уточнила тетя. – Все-таки пираты?

– Сомневаюсь, – качнул головой дядя, – никаких следов нападения, боя или паники. Они вообще как будто просто ушли, а этот крутился возле передатчика. Аппаратура вся, кстати, работает идеально, мы на всякий случай от них связались с Землей и доложили обстановку. Обещали в кратчайшие сроки прислать помощь. Кажется, на родине случилась локальная паника, там же были свято уверены, что здесь полный порядок. У вас-то тут как?

– Аленка пегаса видела, – тут же сдал меня братец. – Даже попыталась добыть тушу, но сил не хватило.

– Да-а, замечталась девочка! – протянул Василич, задумчиво качнув головой. – И где же результат?

– Результат чего? – с подозрением уставилась я на него. Чувствовалось, что штурман издевается, но пока было непонятно, над чем именно.

– Встречи с пегасом, – терпеливо пояснил он. – Он же, го-

воят, поэтам вдохновение приносит! Вот я и интересуюсь.

– Василич, не знаю, как с пегасами, но лошадь там точно была, – заступилась за меня тетя Ада. А я, окинув веселящегося штурмана мрачным взглядом, тихо проворчала:

– Штурман наш сидит унылый, не шуткует, не язвит. Подцепил он спьяну бабу, утром понял – трансвестит.

Пару секунд висела озадаченная тишина, потом тетя Ада возмущенно ахнула: «Аля!», но дальнейшие ее слова потонули в громовом хохоте героя поэмы и присоединившегося братца.

– Теперь верю в пегаса, – со смешком заметил более сдержанный дядя Боря.

– Ох, Аленка! Ну язва же растет, в чистом виде язва! – Эмоционально хлопнув себя ладонями по коленям, Василич утер радостную слезу.

– Да выросла уже, кажется. – Капитан окинул меня насмешливым взглядом.

– Попортили мне девку, как есть – попортили! – проворчала, сокрушенно качая головой, тетя Ада.

– Ада Измайловна, как не стыдно такие ужасы предполагать? – обиделся штурман. – Ребенок же!

– А ты вообще молчи, охальник! – окоротила она Василича. – Я тебя сколько просила при детях не выражаться?

– Так все же культурно, ни одного грубого слова, – не поддался тот.

– Уймись вы уже, – одернул их обоих капитан и поста-

рался вернуть разговор в конструктивное русло. — Ада, как там наш профессор? Ален, и с ремонтом как успехи, сумеем починиться своими силами? Мы кое-что намародерствовали на базе, может пригодиться, потом посмотришь. И что это за история с лошадью, расскажите подробно.

Отчет о поломках и перспективах ремонта сразу повысил градус общего настроения. История встречи с мифическим животным много времени не заняла, наверное, потому, что обошлось без ехидных замечаний как штурмана, так и брата. Все, похоже, прониклись серьезностью момента и дружно вспомнили, что мы не отдыхаем на заправочной станции, а находимся на малоизученной планете. Старшее поколение тоже в итоге сошлось на чьей-то глупой шутке (может, даже пропавших ученых), хотя та и не объясняла странного поведения лошади, явно чувствовавшей себя в воздухе весьма уверенно, да и манеры поведения имевшей отнюдь не лошадиные. В любом случае этот вопрос можно было отложить до лучших времен, а пока всех значительно больше занимал гость. Который, по заверениям тети Ады, физически был вполне здоров и явно отлично себя чувствовал, о чем регулярно заявлял во всеуслышание. Некоторое сомнение у нашего корабельного доктора вызывали имплантаты в профессорской голове, но выяснить, имели ли они отношение к помрачению рассудка или гость помрачился самостоятельно, она не могла. Тут уже требовались психокорректоры со своим сугубо специфическим оборудованием, и тетя расписа-

лась в собственном бессилии. Мозг человека – слишком тонкая штука, чтобы лезть туда без подготовки и соответствующих навыков, так что оставалось ждать помощи.

Тем более что профессор оказался существом вполне безобидным и самостоятельным. То есть он вполне мог позаботиться о себе, самостоятельно питался, понимал назначение большинства предметов, внятно отвечал на некоторые вопросы и с ходу выдавал какие-то опусы из области биологии. Только на вопрос: «Что случилось на станции?» – и вообще почти на любые вопросы о прошлом отвечал неизменно радостным: «Все хорошо, работы идут строго по плану, даже порой с опережением графика!» Но все равно на ночь гостя заперли в каюте «именем капитана», который теперь единственный мог его выпустить.

Утром, как обычно, хотелось поспать подольше, но сегодня я была настроена послушаться будильника и приступить к выполнению собственных обязанностей с началом светового дня. Кто знает, как здесь меняется погода и какие неприятности могут ждать впереди! Лучше все-таки встречать их с целым корпусом и на ходу, чем лежа на земле с дыркой в боку.

На камбузе, куда сонная я приползла выпить кофе, обнаружилось все старшее поколение. Сидели хорошо, уютно, расписывали «пулю», и я искренне позавидовала их цветущему виду. Я себя сейчас чувствовала совершенно разбитой и ужасно не выспавшейся. Всю ночь снилась почти бессю-

жетная однообразная ерунда, похожая на старую игру, в которой надо лететь на космическом корабле и сбивать атакующие корабли условного врага. Только в качестве вражеских кораблей у меня выступали принцы на пегасах, а в качестве оружия – верная «кочерга», раз за разом неизменно возвращающаяся назад. Не знаю, чего бы мне стоило поражение, но оборону я держала стойко. Наверное, потому и проснулась, кажется, еще более уставшей, чем вечером.

– Алечка, а ты что так рано? – растерянно уточнила тетя Ада. – Садись, покушай!

– Так ремонт же! А завтрак попозже, я пока за кофе, – поспешила воспротивиться я.

Она в ответ бросила на меня укоризненный взгляд, но отнеслась с пониманием и настаивать не стала. Это обедали и ужинали мы все вместе, а завтрак тетя гуманно отдавала на откуп каждому, разумно полагая, что ни будить кого-то ради еды, ни заставлять остальных ждать не стоит.

Пока я упрямо пыталась проснуться при помощи обжигающего ароматного напитка, игра продолжалась под бодрые прибаутки Василича – «интеллект против фарта бессилён», «если колода не сдаётся, её уничтожают» и «если карта не идет к Магомету, Магомету пишут в гору», – коих штурман знал великое множество или вовсе выдумывал на ходу и, по моему, никогда не повторялся. А вот когда я засобиравлась на выход, мужчины явно вознамерились составить мне компанию.

– Да ладно вам, я с дядей буду на связи, ничего со мной не случится, – попыталась воспротивиться.

– Пойдем-пойдем, сокрушительница диких лобедей! – подбодрил меня штурман. – Мы не только ради тебя, надо еще вчерашнюю добычу разобрать. Думаешь, мы приглядывались, когда брали? Покидали, что нашли, да поехали.

– Сокрушительница чего? – только и уточнила я. Жаловаться на такую опеку было глупо и совестно, наоборот, стоило сказать спасибо.

– Лобедей. Или все-таки лешадей? – повторил он задумчиво.

– Дядь Борь, а что с нашим гостем? – проигнорировав насмешника, обратилась я уже к другому спутнику. – Он там вообще живой?

– Живой, – пожал плечами капитан, – спит. Я приглядываю за ним, все в порядке.

– Интересно, это обратимо? Ну, то состояние, в котором он пребывает, – пробормотала я.

– Разберутся, – отмахнулся дядя.

– Может, и не надо его куда обращать? – предположил Василич. – У человека все хорошо, жизнь прекрасна, никаких тревог и волнений. Говорю же, я ему уже завидую.

– Жень, можно подумать, у тебя столько забот, одни сплошные беспокойства! – Капитан насмешливо улыбнулся.

– Конечно. Я, Борь, равнодушный человек, меня тревожат судьбы Родины и проблема хронической деградации че-

ловеческого разума, – с заметной гордостью сообщил штурман.

– Проблема деградации, как я понимаю, стоит особенно остро? – иронично заметил дядя.

– Ай, да с вами разве деградируешь в свое удовольствие! – отмахнулся он. – Ни выпить, ни подраться.

Перешучиваясь в таком духе, они ушли в трюм, чтобы выгнать наружу гравилет с добычей и заняться сортировкой на свежем воздухе, держа в поле зрения меня и ближайшие подступы. Я же, опасливо озираясь, вооруженная не пострадавшим, к счастью, во вчерашнем столкновении сварочным аппаратом, отправилась доделывать заплатку. Очень надеялась, что летучая лошадь не вернется страшно мстить за нанесенное оскорбление и не приведет с собой друзей.

Сейчас, несколько успокоившись после вчерашнего стресса, я не так нервно реагировала на собственную встречу с мифическим существом. Это поначалу, от неожиданности испугалась, а сейчас уже была способна мыслить конструктивно. Мало ли, что это! Тот факт, что у него лошадиная кровь, совсем не означает, что это на самом деле лошадь. Может, это сложный робот с антигравитационной установкой внутри? Непонятно, кому и зачем могло понадобиться создавать подобное, но ничего невероятного в нем не было. Может, какой-нибудь чудака-богатея, ограбленный обитавшими здесь пиратами, использовал этого пегаса в качестве транспортного средства. Ну не хватало человеку сказки в жизни! Эта вер-

сия (со сложным роботом), кстати, объясняла и странное поведение пегаса, и его самостоятельность: при желании можно заложить любую программу. Это создание искусственного разума незаконно, а вот сделать искусственную зверушку можно, если у тебя куча денег. Впрочем, при наличии кучи денег, подозреваю, и запрет с разумом можно обойти.

Глава третья, *в которой помощь не успевает прийти*

Шли третьи местные сутки нашего пребывания на этой далекой планете. Вечерело. Я с чувством выполненного долга восседала прямо на грузовом трапе (точнее, одном из: всего шлюзов было четыре, и по необходимости корабль садился на нужный бок), любуясь пейзажем и наслаждаясь живой лесной тишиной.

Ремонт второго двигателя закончила буквально час назад и решила позволить себе передышку до завтрашнего дня. Настроение было приподнятым, потому что жизненно важные работы закончились и при необходимости мы вполне могли уже дать деру с этой гостеприимной планеты. Меня согревало чувство заслуженной гордости: если один из «факелов» задело едва-едва, то со вторым пришлось повозиться, но я в итоге все же справилась. Что называется, сдала экзаме́н в полевых условиях, дед Ефим мной гордился бы. Но при отсутствии старшего механика оставалось довольствоваться похвалами остальных членов экипажа.

Удирать мы пока не спешили, но и за пределы корабля старались не выходить, не говоря уже о том, чтобы углубляться в лес и заниматься поисками пропавшей экспедиции.

Это не помощь терпящему бедствие кораблю в открытом космосе, это действия в условиях, в которых не ориентировался никто из нас. И с куда большей вероятностью мы не то что никому не помогли бы, но еще и сами пропали.

Василич с дядей вчера еще раз слетали на базу, чтобы снова связаться с Землей (наша «Выпь» опять показывала характер, а мне пока было не до нее), но там все шло без изменений, никто не возвращался и спрашивать с нас за пропажу профессора и ценного оборудования не спешил. Прихваченное второпях запасливыми мужчинами оборудование мы, кстати, вернули, несмотря на мою жадность: кое от чего особенно ценного я бы не отказалась. А всяческие расходные материалы решили экспроприировать. Вот когда прилетят компетентные органы, тогда и отчитаемся. Если им будет дело до нашей мелкой кражи.

Все-таки замечательное место – лес. Особенно когда живешь на корабле и не так уж часто видишь что-то, кроме его светло-серых стен. После долгих перелетов без высадок на такие вот тихие удаленные планеты в первый момент даже накатывает легкий приступ агорафобии. Правда, сейчас я была от этого избавлена: налюбовалась на Лауре, а здесь пространство оказалось значительно более закрытым из-за густоты леса.

В частом подлеске и днем загадочно шевелились бесформенные тени, а сейчас они еще уплотнились, и все казалось, что под каждым кустом сидит какой-то зверек и наблюдает

за нами. Правда, страха не возникало, не чувствовалось никакой враждебности. Да и что с нами может случиться под прикрытием силового поля корабля? Мы, собственно, из-за него и сидели на трапе: от корпуса до границы защиты всего метра три.

Мы – это я и примкнувший в качестве охраны и компании Василич. Штурман что-то читал с бика (благо внешнее освещение для этого не требовалось), а я тихонько играла, периодически замолкая и вслушиваясь в лес. Из всего экипажа Рыков относился к моей музыке с наибольшей симпатией и с удовольствием пользовался возможностью послушать.

Переключка каких-то зверьков или птиц – кто знает, к какому виду относятся местные обитатели, ни разу не подошедшие к нам на расстояние, достаточное для внимательного изучения, – неожиданно создавала ощущение домашнего уюта. Я не могла объяснить, как это связано, но общее впечатление от такого звукового фона возникало, как от мурлыканья кошки.

Уже опустились сумерки, когда среди подлеска вдруг мелькнул смутный силуэт существа, несколько более крупного, чем готовящиеся ко сну зверюшки, но явно значительно меньшего, чем давешний пегас. Я насторожилась, вглядываясь в полумрак. Показалось?

Силуэт мелькнул еще раз, уже ближе, зыбкий, яркой белизной выделяющийся на фоне окружающего мрака и даже как будто слегка мерцающий.

– Василич, – тихонько позвала я, – у меня галлюцинации или там в самом деле кто-то есть?

Мужчина, до сих пор лежавший на спине, закинув руки за голову, приподнялся и, сощурившись, взгляделся в сумерки.

– Где?

– Вон там сейчас было... ой! Оно сюда идет! – шепотом ахнула я, потому что силуэт приблизился еще и наконец стал вполне различим среди ветвей. – Это что, привидение?!

На киношно-мифический призрак существо походило сильнее всего. Человекообразная фигура в белом балахонистом одеянии плавно скользила среди ветвей, кажется совсем не тревожа листву. Выглядело в самом деле жутковато, и если бы я была одна, давно бы уже убежала внутрь корабля. Но сейчас я заразилась от Василича невозмутимостью и наблюдала за приближением непонятного существа почти спокойно, с опасливым любопытством.

– Баба, – через несколько секунд сообщил штурман, шурясь и вглядываясь в привидение. – Точно, баба! Борь, тут, похоже, кто-то из блудных ученых объявился. Ну или то, что их заблудило, – сообщил он по корабельной связи.

Ответа дяди я не слышала, но приказа срочно отступить не последовало. Или Василич его просто проигнорировал?

Фигура тем временем еще приблизилась, и уже я сама сумела различить то, что понял мужчина несколькими секундами ранее. Это действительно оказалась женщина (или что-то, на нее похожее), одетая в длинное белое платье, подол

которого волочился по траве. Длинные светлые волосы волной спадали до талии. Или это все-таки какой-то платок?

Двигалась она размеренно, неторопливо и целенаправленно, и целью ее явно являлись мы. Даже несмотря на присутствие моральной поддержки в виде Василича, наблюдать за этим было чем дальше, тем жутче, и сгущающаяся темнота лишь усиливала впечатление. По спине пробежали мелкие мурашки, и я рефлекторно прижала к себе скрипку, зябко поежившись.

Умом я понимала, что мне ничего не грозит, я под защитой, совсем рядом есть еще и дядя Боря, который сейчас наверняка придет и во всем разберется. Но то умом, а где-то внутри шевелился иррациональный потусторонний страх. Белая фигура на черном фоне, надвигающаяся медленно и неотвратно, как сама смерть, вызвала из подсознания какие-то совсем старые смутные образы, записанные туда в глубокой древности. И хотя явной угрозы от ночной гостьи не исходило, все равно стало здорово не по себе.

Она молча подошла совсем близко, остановилась у самой границы силового поля, выглядевшей как слегка мутноватая пленка мыльного пузыря, и, судя по движению головы, окинула взглядом корабль. У меня немного отлегло от сердца: преодолеть защиту незнакомка явно не могла.

– Что тут у вас... Опа! – раздался за нашими спинами голос дяди Бори, и незнакомка тут же перевела взгляд на него. – Добрый вечер.

– Темной ночи, – мягко откликнулась гостья. Спокойно, совершенно без акцента, и мы со штурманом озадаченно переглянулись. Речь-то была понятна, а вот голос – странный: журчащий, очень музыкальный и неестественный. – А я все ждала, когда хозяева догадаются проявить вежливость, – заметила она.

– Хозяева первые вежливость проявляют, когда гости званные, – отозвался дядя, останавливаясь рядом с нами и не спеша бросаться навстречу странной особе и отключать защитное поле. Надо ли говорить, что я полностью одобряла такой подход!

– Званные? – Голос женщины раздраженно звякнул. То есть натурально звякнул, парой звуков сорвавшись на фальцет. Я с сомнением покосилась на скрипку в руках, не она ли этот звук издала. Потому что скрипка такое умела, а вот от живых людей я подобного прежде не слышала. С другой стороны, кто поручится, что эта особа – живая? Может, она вообще робот. Или голограмма. Хотя нет, была бы голограммой – наверняка не остановилась бы перед защитой. – Вы набросились на безобидное существо и должны быть благодарны, что я пришла к вам пока лишь для разговора, а не для священной мести!

Мы с Василичем снова переглянулись, и он тихонько присвистнул, намеком обозначив более прямолинейное и грубое «ку-ку». Я мысленно согласилась.

– А безобидное существо – это?.. – уточнил тем временем

наш капитан.

– Элладригон! – торжественно и непонятно отозвалась она.

– Простите? – растерянно переспросил дядя. – Это латинское название?

– Это имя, – раздраженно огрызнулась незнакомка.

– А-а, так это была ваша лошадь! – догадалась я.

– Лошадь?! – ледяным тоном уточнила она. – Благородного пегаса назвать лошадю, – это... Впрочем, что с вас, обезьян, взять!

– Мы готовы компенсировать нанесенный ущерб, это получилось не со зла, а по нелепой случайности, – нашелся дядя Боря, и собеседница несколько смягчилась.

– Будет достаточно просто извинений.

– Перед вами или перед ло... Элладригоном? – не утерпела я.

Василич покосился на меня насмешливо, но незнакомке вопрос неожиданно понравился.

– Я ему передам, дитя, – благосклонно кивнула она.

– Тогда извините, я не нарочно. Просто он очень неожиданно появился, и я испугалась, – честно призналась я. Не сказала бы, что мне стало так уж стыдно перед напугавшей меня до истерики лошадю (тем более что пострадало по большей части ее самолюбие), но объяснять это странной хозяйке крылатого коня явно было бессмысленно.

– Что ж, я тебя прощаю, дитя, – проявила великодушие

гостья.

— С вашим пегасом мы заочно познакомились, а как зовут вас? — полюбопытствовал Василич. — Это вот Алена, я Евгений, а это Борис.

— Какие сложные и резкие у вас имена, — качнула головой женщина. — Меня зовут Дунивиэль, Светлая Владычица.

Судя по тону гостьи, все слова явно должны были писаться с большой буквы. С очень большой буквы. Я бы даже сказала, с *самой* большой буквы.

— Так и зовут? — растерянно кашлянув, уточнил капитан. — А Владычица чего, если не секрет?

— Этого леса, конечно! — пояснила она с таким видом, будто вопрос задали ужасно неприличный.

— Кхм. Вот оно что! — медленно кивнул дядя.

Не знаю, до чего бы мы договорились в итоге, но в этот момент вслед за дядей Борей подтянулся профессор. За прошедшие дни он вполне прижился, чувствовал себя как дома и совершенно не обижался ни на постоянный контроль, ни на запертую на ночь дверь. Да и вообще он оказался на редкость необременительным гостем: проявлял похвальную аккуратность и ненавязчивость, с замечаниями ни к кому не лез, ел с аппетитом. За его судьбу мы переживали вполне искренне и очень надеялись, что на Земле ему смогут помочь с восстановлением собственной личности.

— Дунечка! — обрадовался он при виде Светлой Владычицы. — Милочка, а вы уже подготовили отчет?

– Я не Дунечка! – неожиданно взвизгнула та, гневно топнув ногой, отчего мужчины поморщились, а я обхватила голову руками, закрывая заодно уши. Пронзительный звук ввинтился внутрь, отозвавшись болью в голове, будто ее прожгли насквозь от уха до уха. – Я Дунивиэль! Светлая Владычица Леса!

– Дунечка, милая, да хоть всей планеты, но отчет все-таки будьте добры подготовить, а то Лариса Ивановна с Вадиком выбьются из графика, – со все той же блаженной улыбкой, полностью проигнорировав возмущение собеседницы, повторил Кузнецов.

– Пойдем-ка, профессор, мы с тобой чаю попьем, – первым среагировал Василич, поднимаясь на ноги и přátельски обнимая того за плечи. Профессор традиционно не стал возражать и позволил увести себя внутрь корабля, а дядя Боря обратился к пышущей гневом гостье.

– Простите великодушно, о Светлая Владычица, этого мужчину, он стар и болен. Не соблаговолите ли вы осенить светом своей красоты нашу скромную обитель, почтив ее своим присутствием. И испить с нами росы, наполненной солнечным светом, – с каменным лицом проговорил он, удостоившись от меня подозрительного взгляда. Уж не рехнулся ли наш капитан заодно с гостями?!

– Приятно слышать достойную речь достойного мужа, – тут же смягчилась Дунивиэль (или все-таки Дуня?). – Я с удовольствием приму ваше предложение, досточтимый Бо-

рис. Только мне не хотелось бы разрушать ваш защитный контур, не могли бы вы его убрать?

– Конечно, сию секунду!

– Дядь Борь... – громким шепотом начала я, с трудом борясь с подступающей паникой и прикидывая, что делать, если это заразно и наш капитан действительно подхватил что-то от гостей.

– Потом объясню, – тихо отозвался он, качнув головой, и галантно предложил даме локоть. – Прошу!

Они двинулись вглубь корабля, а я, не забыв закрыть за собой шлюз и поднять трап, поспешила следом. Вот чего никогда не подозревала в дяде, так это наличия подобных ораторских талантов. Где он такого нахватался вообще?!

При ярком свете Владычица Дунечка выглядела более чем странно, даже жутковато. Непропорционально большие голубые глаза, неестественно яркие золотые волосы, странные черты лица, длинные, заостренные кверху уши. При виде этих ушей в памяти шевельнулось что-то смутное, но я так и не вспомнила что. Кажется, наша гостя напоминала какого-то сказочного персонажа из той же глубины веков, что и пегас. Уши, уши... С ушами у меня ассоциировалось странное имя «Иа-иа», но я уж тем более не сумела вспомнить, где его слышала. По-моему, это было в совсем уж далеком детстве.

Помимо внешности, эта Дульсинея еще и двигалась так, что хотелось чем-нибудь вооружиться для самообороны.

Быстро, неестественно плавно и точно; как какой-то идеально отлаженный механизм, но отнюдь не живое существо.

Профессора Василич упрятал в каюту, так что конфликтов удалось избежать, хотя и без этого вечер получился очень странным. Гостья за милую душу уплетала тетины тефтельки с гарниром, при этом вдохновенно рассуждая о том, как чудесно живет ее прекрасный бессмертный народ среди девственных лесов, питаясь буквально солнечным светом и цветочным нектаром. На вопросы она отвечала уверенно и с удовольствием, но несла полный бред. Утверждала, что к ученым никакого отношения не имеет и вообще является чистокровной представительницей древнего мудрого народа эльфов.

На этом слове у меня в голове все-таки щелкнуло, и картинка сложилась. Я вспомнила, что еще до Затмения существовала религия, адепты которой поклонялись вот этим существам. Кажется, назывались они толкиенисты, по имени человека, которого считали своим пророком. Потом, кажется, религия эта раскололась на ортодоксальную ветку и либеральную, которая о Перворожденных отзывалась гораздо более вольно. Некоторые их истории я даже читала, они замечательно шли в качестве развлекательной литературы. Просто не получилось связать мифического персонажа со вполне реальной свихнувшейся сотрудницей научной базы.

Общался с ней в основном дядя Боря, проявляя чудеса словесной эквилибристики; мы все, включая его жену, диву

давались.

Тетя Ада в это время по собственной инициативе украдкой выдернула у Владычицы волосок, и через некоторое время вернулась из медотсека в глубокой задумчивости. Мы едва дождались, когда гостье надоест рассказывать сказки и она начнет зевать, интеллигентно прикрывая рот узкой ладошкой с кукольно-ровными пальчиками. Подозреваю, в конце концов тетя все-таки не выдержала и добавила ей в чай какое-то снотворное.

Дунивиэль великодушно согласилась остаться на ночь у нас на борту и была сопровождена в каюту, а потом мы привычным составом собрались на военный совет.

– Боренька, скажи-ка, дружочек, и почему я от тебя прежде таких сладких речей не слышала? – подозрительно поинтересовалась тетя Ада.

– Ну ты же не душевнобольная, правда? – поморщился капитан. – Был у нас второй пилот, в эту же сторону углубленный. – Он демонстративно покрутил пальцем у виска. – Тоже вот так изъяснялся. До чего прилипчивый говор – словами не передать! У нас весь экипаж через месяц так разговаривал, пока капитан не нашел замену.

– Мама Ада, а что анализ-то показал?! – Братец задал самый интересный вопрос, и о талантах дяди Бори присутствующие временно забыли.

– В том-то и дело, что анализ показал нормального человека. Так что вот эти уши, – приставила она ладони к голо-

ве на манер заячьих ушей, – и все прочее может быть только какой-нибудь сложной пластикой. Чтобы понять, какой именно, надо провести подробную диагностику. Но мне совершенно непонятно, зачем бы ей такое понадобилось и кто мог с ней это сделать?

– Так, может, сама? – предположила я. – Мы же не знаем, как она выглядела. Вдруг она фанатичка и сама себя так изуродовала? Профессор-то ее узнал, значит – не удивился. Хотя я, честно говоря, все равно не понимаю, как она умудряется двигаться вот так... брр, натурально – робот! Может, у нее там внутри какие-нибудь части организма тоже заменены на протезы?

– Всякое может быть, – развела руками тетя.

– М-да, любите вы, женщины, себя уродовать во имя сомнительной красоты, – насмешливо заметил, качнув головой, штурман.

– Просто юные наивные девочки пытаются понравиться привередливым мужчинам. Это с возрастом, и то не ко всем, приходит осознание, что красота – чистота и здоровье, а все остальное зависит от умения себя подать, – возразила мудрая капитанская жена.

– Вот тут, Адочка, позволь не согласиться, – возразил Василич. – Это...

– Ладно, как минимум одно мы выяснили: обитатели базы живы, просто они оттуда разбрелись. Потому что коллективно тронулись умом. – Капитан оборвал философский дис-

пут в зародыше. — Могли они «утомиться» до такого состояния естественным путем или это какое-то стороннее воздействие?

— Я, конечно, не психиатр, но... Иногда больной может, как это называется, «индуцировать» впечатлительных окружающих. Но не думаю, что здесь именно тот случай. Если я не ошибаюсь, при подобном развитии ситуации больной убеждает здорового в реальности собственного бреда. То есть, наверное, они бы тогда все бродили по лесу, изображая мифических созданий. А у профессора, как говорит молодежь, «кора треснула» совсем в другом месте, — задумчиво проговорила наш бортовой врач.

— То есть все-таки внешнее воздействие. — Дядя Боря медленно кивнул. — Как бы нам с ними заодно не вляпаться!

— Может, это они сами доизучались? — предположил Ваня. — Типа неудачный эксперимент и все такое.

— Знать бы еще, какие эксперименты и над чем они ставили! Мы с Василичем пытались найти какие-нибудь записи, но там все зашифровано. Решили глубже не лезть, вдруг дело секретное и нам за это устроят веселую жизнь, если еще не прибьют.

— А мне вот что интересно, — задумчиво протянула я. — Ладно профессор, он хотя бы сидел на базе, но вот эта и все остальные, чем они питаются?! Не росой же в самом деле! А голодающей и истощенной она не выглядит. Да и платье это у нее откуда? Неужели с собой привезла?

– Интересно, – согласно кивнул дядя. – Но, надеюсь, не настолько, чтобы во все это ввязываться?

Укоризненный взгляд был направлен на Ваню, потому что меня в подобном поведении никто заподозрить не мог. Что я, совсем бестолковая, лезть не в свое, да еще и опасное, дело?

Брат скорчил рожу, но кивнул.

– А что нам тогда делать с этой Владычицей? – любопытствовала я.

– Ну, до нашего появления она в своем лесу как-то жила и теперь проживет, – отмахнулся Василич. – Навесим на нее какой-нибудь маячок, чтобы спасатели быстрее нашли, и пусть идет, куда шла. Уж за пару дней с ней ничего не случится, а завтра-послезавтра должны прилететь профессионалы. Завтра надо наведаться на базу и доложить, что мы еще одну обнаружили. Или ты, Ален, «Выпь» починишь?

– Посмотрю с утра, что с ней, – не стала спорить я и любопытствовала: – А ваш осмотр местности дал хоть какие-нибудь результаты?

Вчера мужчины рискнули запустить автономный зонд, чтобы немного осмотреться в ближайших окрестностях. Судя по их молчанию, ничего интересного не нашлось, но спросить все равно стоило.

– Да какие тут результаты! Кругом сплошной лес, здесь можно десяток крупных городов спрятать, и сверху они будут незаметны, – поморщившись, отмахнулся капитан.

– Так, может... – с надеждой начал Ванька. Глаза горели

жаждой знакомства с чужой лесной цивилизацией, но дядя порыва, конечно, не оценил.

– Не может. Если бы тут водилось что-то подобное, на планете не организовали бы пару баз биологов, а развили значительно более бурную деятельность.

– А баз две? – озадаченно вытаращилась я на него. – Но почему мы тогда до сих пор не связались со второй?

– Потому что у нас нет ее точных координат, она находится на другом конце планеты. И если ты забыла, где-то здесь еще пираты шастают, – со смешком пояснил он.

– М-да, действительно забыла. – Я смущенно кашлянула.

– Конечно, можно поискать контакты соседей в информационных базах наших ученых, но, честно говоря, не вижу смысла, – добавил капитан.

На том собрание завершили и разбрелись спать. Никакой информации у нас не имелось, обсуждать оказалось нечего, и я полностью согласилась со старшим поколением: все это – совершенно не наше дело. Явная опасность ученым не угрожала, у нашедшихся самостоятельно сотрудников проблемы только с головой, в остальном здоровье отличное, так что срочно спасать их явно не требуется и можно заниматься своими делами.

Одна мысль не давала мне покоя. Если эта эльфийка – бывшая сотрудница (вероятнее всего, лаборантка), то откуда она взяла лошадь? Если пегас – тоже результат какой-то хитрой мутации и хирургического вмешательства, это объ-

ясняло его странный внешний вид, но совсем не отвечало на вопрос происхождения. А еще слабо верилось, что у молоденькой лаборантки могло хватить денег на столь сложную операцию: у нее даже, кажется, форма черепа... не как у нормального человека.

Утром «Выпь» неожиданно проявила покладистость и почти сразу согласилась поработать на благо родного экипажа, так что для отчета нашему капитану не пришлось лететь в дальние края. И я со спокойной душой вернулась к прерванному занятию – исцелению травм корабля. Все остальные вышедшие из строя модули находились под обшивкой, «погорели» исключительно за компанию, и для их починки не требовалось выходить наружу. С одной стороны, конечно, обидно: прощай, свежий воздух и лесной шум. Но с другой – внутри корабля мне было гораздо спокойней.

Собственно ремонтные работы много времени не заняли, я управилась с основными часа за три. Гораздо сложнее было настроить капризное оборудование, и в первую очередь – сбалансировать залатанные двигатели. Чем я, собственно, и занялась, прочно обосновавшись после завтрака в двигательном отсеке с любимым терминалом. Любимым, наверное, потому, что за годы совместной жизни то ли он окончательно принял форму моей головы, то ли голова умялась в нужных местах. В любом случае именно от него я не уставала.

Точнее, не уставала обычно, а тут... то ли работа оказалась уж очень напряженной, то ли не надо было сидеть в нем

восемь часов кряду, но к концу дня у меня заломило в висках, зазвенело в ушах, да и глаза начали нестерпимо слезиться, так что пришлось работу бросить. Но уходить я не спешила, в конце концов, не одна я устала, кораблю тоже надоела возня с его внутренностями. Так даже самому терпеливому пациенту в конце концов надоедают изнуряющие непрерывные обследования и процедуры, и требуется хотя бы краткосрочный перерыв. В общем, стоило как минимум извиниться и поблагодарить за покладистость.

Несколько секунд я просто сидела в кресле в углу, предназначенном специально для бортмеханика – не на полу же ремонтными работами заниматься! – а потом, озаренная идеей, сбегала в свою каюту и вернулась со скрипкой. И сама успокоюсь, и извинения будут принесены в самой приятной нам обоим форме.

Терминал я, правда, надевать в этот раз не стала: при его виде начал отчетливо ныть затылок и чесаться лоб.

Тот факт, что корабль любит мою музыку, лично для меня был очевидным, но с окружающими этими мыслями я не делилась. Даже несмотря на то, что могла доказать это вполне аргументированно и даже научно: давно уже известно, что звуки оставляют определенный след в окружающем пространстве, а гармоничные звуки положительно влияют на любых живых существ. Так чем, спрашивается, корабль хуже? Может, он не способен расти или размножаться (хотя мысль, конечно, интересная), но в его основе лежит био-

электроника, вполне сходная строением с нервной тканью высокоорганизованного животного или даже человека. Так что, проигнорировав кресло, я устроилась на коленях посреди небольшого вытянутого помещения – эта поза казалась мне наиболее удобной – и с обычным трепетом открыла футляр, знакомый до каждой царапинки.

Сегодня настроение было странным. Во всяком случае, именно эта мысль пришла в голову, когда я расслабилась, позволив рукам жить своей жизнью. Мелодии лились... нервные, тревожные. Не трагические – таких я попросту не знала, да и не любила, – но пронзительные и напряженные. Они пахли предгрозовым ветром, висящим в воздухе электричеством и почему-то морской солью. Но зато сегодня на меня снизошло вдохновение – почти такое, как в любимые моменты выхода из прыжка. Прикрыв глаза и полностью отрешившись от окружающего мира, я качалась на незримых волнах, несущих шапки пены к бесконечно далекому и даже как будто несуществующему берегу.

А потом... это был не звук и не прикосновение, то есть я ничего не услышала и не почувствовала, но сложилось впечатление, что кто-то взволнованно меня окликнул. Я инстинктивно распахнула глаза – и музыка волей случая оборвалась на самой пронзительной и тревожной ноте, а я в полном шоке уставилась на... нечто, стоящее прямо передо мной. Хотела бы закричать, но горло от страха перехватило болезненным спазмом, и я в панике замерла, как тот кролик

перед удавом.

Это походило на гротескную человеческую фигуру. То есть две руки, две ноги, условно обозначенная голова. Только очертания казались нечеткими, как у едва начатой статуи, для которой скульптор пока только наметил основные детали. Заметив мой взгляд, нечто качнулось в мою сторону, и по спине пробежал холодок, а на лбу, кажется, выступила испарина.

Это была не статуя. Это был сгусток малянисто-черной непрозрачной массы, поблескивающей в лучах света. Он не шел – перетекал из позы в позу, и очертания фигуры расплывались, смазывались. Расплывались незначительно, но я в ужасе наблюдала за приближением этого существа, а в голове билась угрюмая мысль, что, наверное, лучше бы прямо сейчас упасть в обморок от страха. Тогда я хотя бы не увижу, как оно начнет меня жрать.

Инопланетная тварь – а быть чем-то земным и понятным оно не могло по определению – протянула ко мне руку. Шарик на конце руки, отдаленно напоминающий кулак, растекся сначала подобием клешни, а потом разделился на ладонь с пальцами. Мне показалось, что пальцев четыре.

То есть конечности нечто тянуло не совсем ко мне, а как будто к скрипке, но я в этот момент вдруг очнулась и прошептала – хрипло, едва слышно:

– Не надо, пожалуйста!

Что именно «не надо», я и сама толком не знала, но при-

жала скрипку к себе, как мать прижимает дитя, которое жа-
лают отобрать. Смотрела на стоящее надо мной существо с
мольбой, снизу вверх, и почему-то у меня не возникло даже
мысли о сопротивлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.